

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

РИНАТ ТАШТАБАНОВ
ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Метро

Ринат Таштабанов

Метро 2033: Обратный отсчет

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таштабанов Р.

Метро 2033: Обратный отсчет / Р. Таштабанов — «АСТ»,
2016 — (Метро)

ISBN 978-5-17-096578-6

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконецто выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Он давно забыл свое прежнее имя, зато привык смотреть на людей через снайперский прицел. Вокруг него – мир, сгоревший в огне. В его сердце бушует ад. Чтобы обрести себя, ему пришлось потерять все. Вера помогла ему выжить. Жажда мести определила его дальнейший путь. Теперь только от него зависит, кому жить, а кому умирать. Он знает, что за все придется платить и смерть идет за ним по пятам. Но сможет ли он, заглянув в бездну и испив горькую чашу судьбы до дна, получить искупление? Этого не знает никто. Ведь предание гласит: когда оковы цивилизации падут и обнажится звериный оскал человека, время повернет вспять и начнется обратный отсчет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096578-6

© Таштабанов Р., 2016

© ACT, 2016

Содержание

О tempora, о мода!	7
Пролог	9
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ринат Таштабанов

Обратный отсчет

*И когда Он снял четвертую печать,
Я услышал голос четвертого животного,
Говорящий:
Иди и смотри!
И я взглянул,
И вот, конь бледный,
И на нем всадник, имя которому Смерть.
И Ад следовал за ним.
И дана ему власть над четвертою частью земли —
Умерщвлять мечом и голодом,
И мором и зверями земными...*

(Из откровения Иоанна Богослова)

Автор идеи – *Дмитрий Глуховский*

© Д. А. Глуховский, 2016

© Р. Р. Таштабанов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

В принципе про роман Рината Таштабанова можно просто сказать: «СЕМИДЕСЯТАЯ КНИГА ВСЕЛЕННОЙ». И все. Но это будет несправедливым как для автора, так и для романа.

Итак, в самом сердце зимы мы приготовили суровую книгу для истинных фанатов постапокалипсиса. Жесткую. Бескомпромиссную. Леденящую. Добро пожаловать в постыдлерный Подольск! Город, где умирают мечты и властвуют тени.

Дмитрий Глуховский

О tempora, о мода!

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Не так давно меня попросили черкнуть пару строчек для некой газеты на тему «почему так популярен постапокалипсис»? Парой строчек, традиционно, не обошлось. Зато вы, мои дорогие выжившие, нынче получите не традиционную для последних записок «главвреда» проекта проповедь, а, вполне себе обоснованный, как мне кажется, взгляд профессионала в литературе на вполне уместный для нашей серии вопрос. Соглашаться же с моей точкой зрения, или нет, – это уже дело ваше.

На самом деле, говорить о том, что существует «мода» или «спрос» на постапокалипсис, я считаю неправильным. Есть устойчивый спрос на приключенческую литературу. На книги, в которых герой-пионер – первопроходец, разумеется, а не юный ленинец, – терпит лишения, сражается с природой, дикими зверями и людьми, открывает доселе неведомые уголки мира. И спрос этот сохраняется уже более двухсот лет, да и дальше будет, я уверен. Что до популярности постапа, то тут, как мне кажется, изменения кроются в самом обществе. В эпоху возникновения популярной, массовой литературы, умы и силы были направлены на открытия в науке, технике, географии. Человек стремительно познавал мир вокруг себя, раздвигая привычные ему границы Ойкумены с невиданной доселе прытью. Неудивительно, что Верн, Буссенар и Майн Рид охотно отправляли своих героев в дикую глушь Африки, Австралии и обеих Америк, а читатели были в восторге от их приключений.

Потом случились две ужасающие своими масштабами мировые войны, кошмарные бойни, заставившие многих всерьез задуматься о будущем. Люди, выжившие и вернувшиеся домой, поверившие наконец, что все закончено, с небывалой силой хотели жить. Растиать детей. Творить. Заниматься наукой, искусством, бизнесом, – чем угодно, только бы не убивать, не позволяя убить себя. Человек поднял глаза из окопов – в небо. Одним словом, весьма немногие тогда сомневались в том, что еще при жизни нынешнего поколения будет освоен космос, а уж коммунизм или капитализм будет править меж звезд – это уже дело десятое. Неудивительно, что именно со звездной экспансией связана в первую очередь тогдашняя популярная литература. Отважные астронавты, колонисты на диких, неизведанных, опасных планетах, в борьбе с причудливыми животными, агрессивными аборигенами и звездными пиратами, сменив пробковый шлем и карабин на скафандр и бластер, по сути, не изменились вовсе.

Дальше пришло разочарование: беспринципные политики и жадные торгаши все традиционно испортили, лунная гонка закончилась гонкой вооружений, и вообще в воздухе запахло новой войной. Но главное – никаких явных для общества прорывов. В отличие от другого континента, куда каждый имеющий деньги мог оправиться в любой момент, звезды были так же далеки и неведомы. И НФ сменило фэнтези, призывавшее: «Назад, к корням!». То есть – к мечам, лошадям и флоту парусно-гребного типа. Сражаться с еще более фантастическими хищниками, усмирять уже не просто диких каннибалов, но другие расы, и заполнять бесчисленное множество очередных темных мест на картах.

А время шло, менялся массовый потребитель литературы. У него появлялось все больше свободного времени и ресурсов, его жизнь становилась все более легкой и необременительной. И куда более ценной. Зачем эскапизм, ему и тут вполне себе неплохо. Гегемоном стал клерк с его же, клерка, системой ценностей. Не стальные мышцы и храбрость, но дипломатический талант, не ловкость и воля к победе, но передовые знания, точный расчет, жилка бизнесмена возносили его на вершину славы. Клерк уже не хотел читать про первопроходца – он сам хотел быть первопроходцем. Оставаясь при этом – самим собой. Путешествуя в иные миры (или в прошлое), меняя костюмы или даже внешность, но – сохраняя где угодно свою личность.

Неповторимую личность человека современности. И это был расцвет историй о так называемых «попаданцах».

Дальше – больше. Жизнь, внешне сохраняя свою привлекательность, теряла безопасность. Техногенные аварии, локальные войны, терроризм наглядно демонстрировали человеку из толпы, с какой легкостью он может лишиться всего того, что составляет его теперешнюю суть. И заодно – серьезно поколебали его уверенность в том, что именно *это* является истинными ценностями. А уж страшилки, возможность пощекотать себе и окружающим нервы, право же, были популярны задолго до Буссенара. Страшилки и, одновременно, уверения самих себя, что мы – не пропадем в любом случае. Мы – сильные, мы – смелые, мы – достойные! Так что произошел просто следующий виток истории: каменные джунгли, в которые превратились уничтоженные какой-нибудь напастью мегаполисы, одичавшие или мутировавшие в ужасных монстров животные, каннибалы поневоле, опасности, природные препятствия, лишения, сражения, открытия. И в центре – все тот же сильный, отважный, умный человек. Первопроходец будущего. Сам себя загнавший в невыносимые условия, и теперь доблестно их преодолевающий. Потому что так уж заложено в него природой.

Пролог

Вздох – боль. Выдох – боль. Грудь разрывает на тысячу частей. Жидкость с привкусом меди клокочет в горле. Я харкаю, забрызгав кровью маску противогаза.

Ветер, бешено завывая в ночи, с яростью голодного пса треплет разорванную одежду. Снежное крошево, обжигая холодом, запускает острые когти под кожу. Хочется выдрать легкие, чтобы хоть на миг унять внутренний жар.

Невольно дергаю руками, позабыв, что запястья прибиты гвоздями к деревянной балке. Распятый на кресте, я вишу над землей. Боль сводит меня с ума. С трудом разлепляю заплывшие от кровоподтеков веки. Смотрю вниз.

Тело Машеньки, лежащее подо мной, уже запорошило белым саваном. Ее заостренное лицо обращено к небесам. На губах застыл безмолвный крик, а остекленевшие глаза, затянутые мутной поволокой, словно смотрят на меня с укором. И в посмертии она прикрывает окровавленными ладонями огромный живот.

– Машулька, простишь ли ты меня когда-нибудь, а? – спрашиваю я, обращаясь к мертвой. – Ведь это – я не сберег, не защитил тебя и ребенка. Но ничего, скоро мы встретимся. Небеса ждут.

Задираю голову, словно надеясь услышать оттуда ответ. Тучи, низко стелясь над землей, скребут свинцовым подбрюшьем крыши домов. Подольск – город мертвых, чьи иссохшие костяки стали вечными стражами проклятого богом места.

Покосившиеся, изрезанные глубокими трещинами здания, точно замерли в ожидании развязки, пристально наблюдая за мной пустыми глазницами выбитых окон.

«Сколько прошло времени, как меня распяли? – думаю я. – Минута, час, вечность? Не все ли равно? Сдохнуть бы поскорее...»

Будто читая мои мысли, луна прячется за облаками. Черный саван тьмы спускается на город. Слышу шорох, невнятное бормотание. Серые тени выродков скользят по двору подольской клинической больницы. Уроды, больные и облученные, еле ковыляющие старики, замотанные в грязные рубища, все те, кого мы выгоняем из Убежища, подходят все ближе, не таясь. Не думаю, что они в открытую сокрут меня заживо. Попавшихся на каннибализме мы расстреливаем без суда и следствия. И память об этом вколочена в них намертво. Но быть забитым камнями или получить остро заточенной арматурой под ребро мне совсем не улыбается. Странно устроен человек, – даже перед лицом неминуемой гибели он отчаянно пытается выторговать у смерти лишнюю минуту жизни.

Неожиданно выродки замирают, смотрят куда-то за меня, а через мгновение, дружно вереща, бросаются обратно в больничные корпуса. Как могу, скашиваю глаза в сторону и, до предела напрягая зрение, замечаю смутно различимую фигуру с посохом в руках. Странник медленно и осторожно пробирается вдоль сугробов. Полы серой накидки развеиваются на ветру. Снежный наст предательски скрипит под его ногами. Звук шагов все ближе. В них мне слышатся удары колокола.

«По ком он звонит? – думаю я. И сам отвечаю: – Он звонит по тебе...»

Наверное, я свихнулся. Тело коченеет. Боль отпускает. Теперь она пульсирует где-то там – на задворках сознания. Смерть нежна, когда ты сам позовешь старуху с косой. Незнакомец уже рядом. Я хочу как можно быстрее шагнуть в бездну, поэтому закрываю глаза. Неожиданно чувствую, как сильные пальцы обхватывают лодыжки и кто-то, глухо выдохнув, едва слышно произносит:

– Я... нашел тебя...

От неожиданности я вздрагиваю. Адреналиновый всплеск, молотом вдарив по ушам, придает мне сил. С трудом прорицаю глаза, пытаюсь рассмотреть незнакомца. Во мраке он

напоминает мне ожившего каменного истукана. Ростом странник явно за два метра, под плотной накидкой угадываются широченные плечи. Лица незнакомца не разглядеть, скрыто под странной маской, напоминающей личину средневекового шлема, снабженную противогазной коробкой с фильтрами. Через плечо переброшена котомка. У пояса на ремне приторочен топор. За спиной необъятный рюкзак и огромный арбалет. Огнестрела не видно.

«Странный выбор, – думаю я. – Пока его перезарядишь, любой хмырь с пистолетом успеет сделать в тебе несколько дырок».

Тем временем незнакомец, воткнув посох в снег, обходит меня кругом. Снимает с себя накидку, тяжело вздыхает и, заприметив недалеко расколотый надвое бетонный блок, направляется к нему. Согнувшись, он обхватывает меньшую часть, затем без видимого усилия отрывается от земли. Вернувшись, он кидает блок около креста, встает на него как на постамент.

Теперь я могу во всех подробностях разглядеть его маску. Огромные черные линзы похожи на глаза. Жуткое зрелище, словно на тебя смотрит мертвец. Про себя я называю его Франкенштейн. И точно в подтверждение моих мыслей незнакомец достает топор. Таким, наверное, сподручно людей от плеча до пояса разваливать. Странник, ловко перебросив оружие из руки в руку, в несколько ударов выбивает гвозди из балки до середины. От боли у меня темнеет в глазах.

– Терпи, – бубнит Франкенштейн, – терпи, как сын божий терпел, иного не дано!

С этими словами он выдергивает гвозди. Я глухо рычу в маску противогаза. Незнакомец аккуратно перерезает веревки, стягивающие мои руки. Затем, взвалив меня на могучее плечо, он спускается с бетонного блока и бережно кладет меня на расстеленную на снегу накидку. Мгновение спустя я чувствую, как с лица исчезает противогаз, а обветренных губ касается горлышко фляжки.

– Пей! – приказывает незнакомец, помогая мне приподнять голову.

Я делаю жадный глоток. Чувствуя, как горло обжигает огнем, спрашиваю:

– Кто ты?

– Друг, – отвечает незнакомец, – пей, легче станет!

– Как ты прошел через наш охранный пост? – интересуюсь я, толком не понимая, говорю ли я это вслух или просто думаю.

– Убил всех. Нам надо торопиться, – произносит гигант.

Странно, но я не удивлен этому ответу.

– Как тебя зовут? – продолжаю я.

– Яромир, но ты зови просто – Яр.

«Да уж... ну и имя, словно у сказочного богатыря, но не все ли равно?» – думаю я, чувствуя, как начинают тяжелеть веки.

Делаю еще один глоток. Яр убирает фляжку. Безумно хочется спать. Глаза режет, словно в них насыпан песок. Гигант роется в рюкзаке. Выуживает из него «ГП-7», прикручивает к нему фильтрующую коробку, затем натягивает противогаз мне на голову, регулирует лямки.

– Попробуй выдохнуть, – говорит Яр, – теперь вдохни, нормально сидит?

– Да, – отвечаю я.

– Хорошо, – произносит гигант, – теперь ты надолго уснешь, а когда проснешься, то будешь в безопасности.

– Обещаешь?.. – спрашиваю я, еле шевеля губами.

– Обещаю, – отвечает гигант, кладя мне на лоб тяжелую ладонь. – Спи!

Я закрываю глаза, медленно проваливаясь в зябкую трясину воспоминаний...

* * *

Время, словно пленка в старом кинопроекторе, отматывается назад. В голове возникают неясные образы, обрывки воспоминаний. Смутные поначалу, они постепенно складываются в отчетливую картину.

Помню ли я, как все началось? Конечно, помню. Такое не забывается, хотя с момента Удара и прошло столько лет. Подробности тех страшных дней навечно вбиты в каждую клеточку моего мозга.

Итак, Подольск. Убежище № 1659 при городской клинической больнице. Здесь примерно две тысячи человек – выживших после Удара. Я, точно призрак, иду по коридору своей памяти, с каждым шагом углубляясь в прошлое. Смотрю по сторонам. Люди в отсеках буквально сидят друг у друга на головах. Спим мы посменно. А как иначе, если норма по количеству укрываемых перевыполнена раза в три?

Убежище, изначально предназначеннное для больных и медперсонала больницы, занято нами, зверолюдьми – именно так, на манер персонажей из романа Герберта Уэллса, я зову про себя большинство из укрываемых. Только в книге ученый пытался из животных сделать людей, а здесь, под землей, человек сам, медленно и неотвратимо, со временем превращается в зверя.

Людское стадо, в день Удара снесшее все на своем пути. Мы, оставившие тяжелобольных на поверхности ради того, чтобы здесь, в подземье, превратиться в живых мертвецов.

А как бы поступили вы, если над головой внезапно раздается надсадный вой сирен, а толпа, страшная в своем молчании, в которую вливается все больше и больше людей, внезапно начинает бежать в одном направлении?

Я осматриваюсь – точнее, в мозгу вспыхивает картина, которую мне не забыть никогда. В тусклом свете едва горящих ламп стены коридора Убежища напоминают склеп. Со всех сторон доносятся стоны и всхлипы. В нос ударяет запах смрада, пота, крови. Я почти не чувствую его, уже привык.

Кажется, что в Убежище стонет какой-то гигантский организм. Как быстро человек может оскотиниться? По-разному. Кому-то нужно несколько недель. Кому-то достаточно и пары часов. Едва мозг осознает, что все, это конец, и ты уже никогда не увидишь солнечного света, то кто-то в твоей голове, тихо нашептывая на ухо: «смерть, смерть, смерть...», словно щелкает рубильником, обесточивающим твою волю.

Каждый сходит с ума по-своему. Одни забиваются в угол и тихо сидят, поскрипывая забитыми собаками. Другие режут вены или вешаются в туалете. Некоторые сathanают и набрасываются с кулаками на любого, кто посмеет, как им кажется, косо глянуть в их сторону. Третий, обезумев, создают видимость, что все нормально, продолжая каждое утро бриться и застегивать заплатанный пиджак на все пуговицы. Внешне спокойные, они и самые опасные. Если буйна можно утихомирить ударом кулака в челюсть, то что выкинет сумасшедший, не знает никто.

Даже седовласый Арсений Карлович – психиатр, затянутый в Убежище людским круговоротом первого дня, прозевал тот момент, когда Виктор – бывший чоповец из охраны больничного комплекса, – на вид тихий и даже забитый мужик, однажды достал табельный пистолет и начал методично расстреливать каждого, кто попадался ему на пути, пока выстрел из дробовика охранника склада не разнес ему голову.

Я хорошо помню, как Арсений Карлович, покачав головой, сказал тогда: «Скорее всего, у него был посттравматический синдром».

Я же думаю, что разум Виктора просто надломился в тот момент, когда мы в день Удара, закрывая шлюзовые ворота, оставили большую часть рвущихся к нам обезумевших людей на поверхности.

Даже спустя все эти годы я хорошо помню тот странный взгляд Виктора, когда он, видимо осознав, что еще секунда – и нас захлестнет толпа, стал палить в воздух, а затем, когда это не принесло результата, начал стрелять на поражение. Затем к нему присоединился (как я позже узнал) Игорь Владимирович Колесников с «АКС-74У» в руках. Именно тогда, между нами – народом Убежища – и теми, кто остался наверху, пролегла незримая черта, подсвеченная очередями из полицейского «укорота». В тот день мы навсегда отделили мертвых от живых...

Истошный людской крик до сих пор стоит у меня в ушах, как и звук ударов кулаками о бронированную дверь. Лишь через пару недель мы, наконец, решились открыть гермодверь и узнать, что происходит снаружи. Идти никто не хотел. Страх перед неизвестностью сковывал волю. Среди мужиков бросили жребий. Выбор пал на пять человек. Как оказалось – смертников. После выхода наружу, из пяти разведчиков вернулся только один. Под бешеный стрёкот дозиметра, задыхаясь от рвоты, он рассказал, что на поверхности царит ад. Повсюду на больничном дворе, на сколько хватает глаз, лежат разлагающиеся тела. Мужчины и женщины, старики и дети... Подольск превратился в город мертвецов.

Я не завидую разведчикам, ведь им, чтобы вылезти наружу, пришлось рубить раздутые тела, устилавшие лестницу, ведущую наружу, топорами. От смрада не спасали ни ОЗК, ни противогазы. В тот день умерла последняя надежда на спасение, и мы поняли, что здесь – в подземье – мы застряли всерьез и надолго.

Кто-то после того дня тихо сошел с ума. Кто-то наоборот – рвался наружу, не веря рассказу умершего разведчика. Дошло до того, что Колесников распорядился поставить возле гермодвери вооруженную охрану, чтобы никто не вздумал открыть ее.

Так мы превратились в укрываемых. В какой-то степени нам повезло. У нас были запасы еды, скважина, топливо для дизель-генератора. Не очень много, но все же, поначалу хватало, чтобы не сдохнуть. Но что дальше? Голодная смерть?

Спустя три месяца, как мы запечатали «герму», пришлось бросить жребий. На кого пал выбор, должен идти на поверхность. Если откажешься – умрешь. И мужики, понимая куда им предстоит выйти, шли, слыша позади себя шепот голодящих: «Спасибо...».

Разведчики искали все – от еды на складах до амуниции и оружия, каждый раз пытаясь расширить зону поиска. За глаза их называли «команда мертвецов». Жребий бросали примерно раз в два-три месяца. Мы знали: тот, кто вышел наружу, уже не жилец. Все, кто возвращался в Убежище, вскоре загибались от лучевухи. Кого-то на городских окраинах, где уровень радиации снижался, убивали мародеры или атаковали сбившиеся в стаи бродячие псы. Но иного выхода не было. Смерть поисковиков продлевала жизнь всем нам.

Не верьте, что беда сплачивает людей. Она лишь обнажает сокрытое. Будит того первобытного зверя, который заточен в каждом из нас, в клетке под названием «цивилизованность». Но стоит чему-то случиться, как инстинкт выживания заставляет вчерашнего тихоню взять нож и перерезать горло соседу по блоку. Словно внутри что-то щелкает от осознания того, что все – это конец, законов больше нет. Помощь не придет, нет ни полиции, ни МЧС, ни армии, каждый сам за себя. А если ты слаб, то тебя прикончат первым. Поэтому люди сбиваются в стаи. Кучкуются, понимая, что в группе легче выжить. Стая дарит чувство защищенности. Мир со временем сужается до размеров блока, отсека, забитого до отказа людьми. Все, что снаружи, – другой, опасный мир, населенный врагами. Стадное чувство берет верх, а кто не в нашей стае, тот против нас!

Другой, а не ты, съест твой кусок, выпьет твою воду, вдохнет тот воздух, что нужен тебе. И поэтому надо убивать, убивать, снова и снова, чтобы прожить на день дольше, чем твой враг. «Умри ты сегодня, а я завтра», – это понятие лучше всего подходит к тому, что творится в Убежище. Здесь и сейчас.

Отделения для укрываемых переполнены. Здоровых все меньше. Скудные запасы провизии тают на глазах, а того, что изредка приносят с поверхности поисковики, едва хватает,

чтобы не протянуть ноги. Еда и вода в мире – *после* – приобретает особенное значение. За пачку сигарет, за спиртное, за «бомж-пакет» с лапшой с привкусом мяса или курицы люди готовы перегрызть любому глотку. Кто не прошел через настоящий голод, никогда не поймет, как можно слизывать с пола случайно пролитую похлебку, отдающую тухлятиной.

Правильно говорят, что беда не приходит одна. Любая нештатная ситуация, любая неполадка с оборудованием грозит смертью. Я помню тот день, когда, примерно через полгода нашего вынужденного затворничества, скважинный насос вместе с фильтрами вышел из строя, и нам, пока смертники искали запчасти, пришлось качать воду вручную.

Воду...

Я усмехаюсь. Именно так теперь называется пахнущая канализацией мутная жидкость, которую, прежде чем пить, необходимо профильтровать, долго отстаивать, чтобы от контакта с кислородом выпало все железо, а затем кипятить.

Так проходил месяц за месяцем. Каждый день – борьба со смертью. Мы менялись вместе с окружающим миром, приспосабливаясь к жизни после, закаляясь в ядерном пламени. Те страшные дни словно подернуты в моей памяти туманом. Что-то помнится хорошо, что-то исчезает во тьме временных провалов. В этом аду прошел год, второй, начался третий. Уровень радиации понизился, выходить наружу стали чаще, но это принесло нам лишь временное облегчение. Поисковые группы стали пропадать без вести.

Во взглядах большинства читалась безысходность. Помимо голода и туманных планов на будущее Убежище постоянно будоражили слухи о невесть откуда взявшемся загадочном Стрелке, методично отстреливающем разведчиков и поисковиков. С каждым днем желающих выйти на поверхность, – даже за дополнительный паек, – становилось все меньше. Умирать никто не хочет, даже если твоя жизнь больше напоминает животное существование. Мы – крысы, забившиеся по своим норам и отчаянно молящиеся всем богам сразу, в надежде, что сегодня сдохнет кто-то другой, но не ты.

Как призрак, незримый ни для кого, я иду по коридорам Убежища дальше. Виртуальный тур по закоулкам собственной памяти, ведущим в ад. Думая об этом, можно свихнуться. Если воспоминания меня не подведут, то очень скоро я должен увидеть себя прежнего – того пацана, который, прожив два с половиной года в подземье, встретил свое пятнадцатилетие в Убежище.

Вспоминаю, что случилось со мной в день Удара. Иногда происходит совершенно незначительное на первый взгляд событие, но именно оно раз и навсегда меняет твою жизнь. Я как сейчас помню, что в тот день с утра хотел пойти с друзьями на пляж в Дубровицах, но тупо проспал. Разбудил меня звонок Лехи, лежащего в «ПГКБ» со сломанной ногой. Я разговорился с ним. Он как всегда ныл: в больнице скучотища, делать нечего, встать ему разрешат только через неделю, и если я закачаю на флешку и принесу новых фильмов, то это просто спасет ему жизнь. Сказано – сделано. Так я и попал в больницу в тот день. Именно так судьба подарила мне второй шанс.

Когда все началось, а люди под вой сирены внезапно забегали по коридору, я решил пойти и разузнать, что случилось, клятвенно пообещав Лехе скоро вернуться. Слово, как вы понимаете, я не сдержал. Не знаю почему, но едва я закрыл дверь палаты, ноги сами понесли меня по ступеням лестницы, ведущей вниз. Что это – трусость? Я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. Останься я с Лехой, и мы погибли бы оба. Скорее, сработал инстинкт выживания – бежать туда, куда несет большинство. Так я оказался в Убежище. Без родителей. Без друзей. Без права на жизнь.

Наверное, вы хотите узнать, как я выжил и не свихнулся в этом проклятом богом мире, и почему меня распяли? Прошлое – определяет настоящее. В те страшные дни я привык скрывать свою неуверенность и страх за дерзостью. Наверное, это и спасло меня тогда, в первые месяцы, позволив пройти по самой грани и не упасть в пропасть.

Воспоминания обрушаются на меня как девятый вал. Я вижу восьмерых чумазых пацанов, сидящих на деревянных паллетах, небрежно наваленных на бетонный пол в коридоре Убежища.

Пацаны похожи на затравленных щенков. Ненужные никому, а потому не представляющие ценности. Останавливаюсь. Стою и смотрю на себя, того, прежнего, забитого мальчишку из прошлого. В тот день, спустя два с половиной года, как за нами закрылась стальная гермодверь, случилось еще одно событие, навсегда изменившее мою жизнь. Об этом стоит рассказать, слушайте...

Часть первая На обломках прошлого

Глава 1 Отверженные

По коридору Убежища разносится звук быстрых шагов. В тусклом свете ламп двигается коренастая мужская фигура. Человек небрежно перешагивает через спящих на деревянных поддонах людей, поворачивает за угол, останавливается перед одним из отсеков. На мгновение замирает, прислушивается и, взявшись за ручку, резко распахивает дверь.

– Блок, подъем!

Хриплый голос разносится под потолком отсека, в котором на нарах, сколоченных в три яруса, спят пацаны от двенадцати до шестнадцати лет. Луч фонаря выхватывает из тьмы заспанные и испуганные лица мальчишек. Многие из них кашляют, простуженно сопят, кутаясь в серые покрывала.

– Так, щенки, – мужчина запускает руку в карман куртки, – кое-кого из вас выбрали добровольцами. Я называю имена, восемь человек, вы встаете и подходите к стене. Возражения – не принимаются! Так решил Совет Убежища. Понятно?

– А что случилось, что за спешка?! Делать чего будем? Опять мертвецов наружу выкидывать? – спрашивает мальчишка с верхнего яруса.

– Много знаешь – хуже спиши, – лыбится мужик, доставая смятую бумагу, – пошевеливайтесь, а то зубов не досчитаетесь!

Пацаны, те, кто уже успел проснуться, поспешно кивают. Мужчина, развернув список, начинает перекличку:

– Сергей Сухов, Максим Горлов, Павел Ефремов, Дмитрий Драбер, Виктор Скулин, Валерий… нет, не ты, другой Валерка, Кнышевой! – луч фонаря высвечивает испуганное лицо пацана лет четырнадцати. – Вставай сопляк, не прятаться! Вы меня хорошо знаете, живо!

Мальчишки заметно ускоряются, откидывают замызганные покрывала, спускаются с нар.

– Быстрее, я сказал! – мужчина отвешивает одному из них подзатыльник. – Времени в обрез! Так, еще Азат и Константин Киселев, все. Подходим к стене.

– Дядь Вить, а мне тоже идти, точно, вы ничего не перепутали? – спрашивает Павел, пацан лет шестнадцати с маленькими бегающими глазками.

– Точно, шевелись давай!

– А что случилось? – не унимается Павел. – Тревога?

– Тебе еще забыл рассказать! – рявкает Виктор. – Так… один, два, три… А где восьмой?

Я называл восемь имен! Кто не встал?! – луч фонаря мечется по лицам ребят.

– Сухов, – робко говорит Павел.

– Опять Сухов?! – восклицает мужик. – Чтоб его… Где он спит? – Виктор поворачивает голову и окидывает взглядом ребят. Пацаны, опустив глаза, молчат. – Так, я задал вопрос! – кричит мужик, начиная терять терпение. – Давно по шее не получали?

– Там, справа у стены, на нижнем ярусе, – тихо докладывает Павел, ловя на себе презрительные взгляды ребят. – Притворяется, что типа спит.

Мужик кривит рот и быстро проходит вперед.

– Сухов, твою-то мать, вставай! Пора пайку отрабатывать! – луч фонаря выхватывает из тьмы худое лицо мальчишки лет пятнадцати, с фингалом под глазом. – Чё, мало тебе в прошлый раз перепало? Снова на публику работаешь?

— Да так, сны красивые проматываю, не оторваться, — Сухов, не мигая, смотрит Виктору в глаза. — Все лучше, чем здесь торчать.

— На, сука! — мужик с размаха бьет кулаком в лицо пацана. Тот слетает с нар на пол и, быстро свернувшись калачиком, закрывает голову руками от ударов ботинками.

— Дядь Вить, не бей его! — кричит крупный мальчишка с верхней полки. — А то последние мозги вышибите, кто нас тогда развлечать будет?

— А ты, Штырь, не вякай там! — Виктор поворачивает лицо с налитыми кровью глазами. — Зря тебя только старшим по блоку назначили! Совсем распустились! Надо будет, и вышибу! Он своими выкрутасами уже всех достал, теперь не отвертится, пришло время прогуляться наружу по-взрослому.

— Ну, как скажете, — мяллит Штырь, быстро отворачиваясь к стене, — только зря нас перебудили, а мне скоро на скважине дежурить.

— Ничего, не развалишься, — усмехается мужик, — пить захочешь, сам вместо насоса в позу встанешь.

Виктор переводит взгляд на застывших у стены ребят.

— Так, пацанчики, чего задумались, давно не видели, как Сухов по полу ползает? Марш в коридор, меня там ждать! А ты, Сухов, подымайся, нечего валяться, как баба, рано еще подыхать, — мужик пинает пацана. — Времени мало, тебя друзья заждались!

Мальчишка с трудом встает и, потирая распухшую скулу, нехотя выходит в коридор. Вслед ему смотрят с десяток пар глаз, — так смотрят на мертвеца...

* * *

Пацаны под присмотром Виктора идут по коридору Убежища. Проходят жилые отсеки. Перешагивают через людей, спящих вповалку на полу, — тех, кому не хватило места на нарах. Кажется, что это лежит и дышит какой-то неведомый науке организм с десятками конечно-стей. Переплетенные тела, едва прикрытые покрывалами и грязным тряпьем. Кого-то задевают, кому-то наступают на руку. Вслед ребятам раздаются проклятья:

— Осторожнее там!

— Смотрите, куда прете!

— Козлы!

— Чтоб вы сдохли! Дайте поспать!

Мальчишки заметно ускоряют шаг. Кому они нужны? Кто за них заступится? Родителей у них нет, большинству все равно, вернутся они или нет, все меньше нахлебников, лишь бы жребий в следующий раз не выпал на тебя. Обреченность, в отличие от пули, убивает изнутри.

Пацаны сворачивают за угол. Проходят через пластиковую занавесь. Здесь коридор расширяется, образуя помещение, отданное под отстойник для возвращающихся с поверхности. Мальчишки оказываются перед дверью, ведущей в предтамбур.

— Стоять! — командует Виктор. — Садитесь и ждите здесь!

— Что, прямо на пол? — растерянно спрашивает Павел.

— Да! — отвечает Виктор. — Кладете под жопы паллеты и тихо сидите. Кто вякнет, последних зубов лишится.

— Но ведь здесь грязно, — хмурится пацан с явно восточной внешностью и добавляет: — И фон...

— Брезгуешь, Азат, или особо разборчивым стал? — зло спрашивает Виктор. — Здесь везде фонит. Это приказ! Живо!

Мальчишки разбирают поддоны и нехотя садятся на них. Со стороны коридора слышатся тихие шаги. Пацаны поворачивают головы. Они видят, что к ним приближается высокая суту-

лая фигура. Из тени неспешной, шаркающей походкой выходит парень лет двадцати трех – двадцати пяти.

– Миха! – говорит Виктор. – Как раз вовремя. Я пойду, амуницию проверю, а ты пока за этими утырками присмотри.

– Погодь, – произносит парень, – чего-то они там переиграли. Батя сказал, чтобы я и Гнус шли с ними, а тебя он к себе вызывает.

Виктор внимательно смотрит на Михаила.

– Это точно? – спрашивает он. – Почему?

– Точнее не бывает, – отвечает Миха, – а почему, не знаю. Давай отойдем, перетереть кое-чего надо. – Парень, не дожидаясь ответа, проходит вперед.

Миха и Виктор отходят к двери предтамбура и начинают о чем-то шептаться.

Мальчишки напрягают слух, но разобрать, о чем идет разговор, не могут. Их съедает любопытство вперемешку со страхом. Что будет дальше? Слишком все необычно для простой операции по утилизации мусора или выбрасывания наружу мертвецов.

– Понятно, – долетает до пацанов фраза Виктора, – СКС возьмешь?

– Да, – кивает Михаил, – думаю, пригодится.

– Добро, – мужик хлопает Миху по плечу. Он быстрым шагом уходит, перед этим странно посмотрев на притихших ребят.

– Ну, братва, чего приуныли? – спрашивает парень. – Для добровольцев что-то кисло выглядите.

– Не выспались просто! – бурчит Сухов. – А так, все ок.

– А, Сухов, и ты здесь, – Миха исподлобья смотрит на мальчишку, – давно пора тебя к делу пристроить, а то ты только языком чесать горазд.

– Он уже сегодня получил свое, – роняет Павел, – видно, мало ему Виктор с прошлого раза добавил.

– Зато тебя, суку, по головке гладит, – парирует Сухов, сжимая кулаки. – Правильно тебя Крысой зовут!

– Да пошел ты! – вскидывается Пацка.

Кажется, еще мгновение – и ребята сцепятся друг с другом. Остальные молчат, боясь попасть под раздачу. Лишь самый щуплый – Валерка Кнышевой, открывает рот и хочет что-то сказать, но его опережает Михаил:

– Эй, харэ там балаболить, заткнитесь оба! Сидите тихо и ждите приказов.

– Миха! Ты хоть скажи, чего будет, куда нас? – спрашивает худой пацан – Макс, за что и получил кликуху Скелет.

– Да-да, чего ждать-то? – хором спрашивают остальные.

– Эээ... Не будь ты как эти!.. – вворачивает Азат.

– Тихо, расшумелись как в детсаду, – хмурится Миха. – Игорь придет и расскажет, а я пока тоже с вами посижу.

Парень проходит назад и садится впереди Сухова. Мальчишка упирается взглядом в бритый затылок Михаила.

«Ага, добровольцы мы, как же, – думает Сергей, ухмыляясь разбитым ртом. – Легко стать добровольцем, когда тебя посреди ночи поднимают ударом в лицо».

В отличие от остальных ребят, Сухову из-за живости характера и неуемного воображения, удалось сохранить хоть что-то от прошлой жизни. Глядя на остальных, он понимал, что его дерзость – это та защита, которая не позволяет ему окончательно свихнуться, стать как все – безвольным и безропотным стадом, которое ведут на убой. Сколько раз он получал по морде за свои слова, столько раз клялся себе, что не отступит, не станет выпрашивать подачки или скулить, как некоторые, приспособливаться, а там будь что будет. Сухова съедает любопытство.

Он слышал, что Михаил успел до Удара отслужить «срочку» и уже несколько раз бывал в рейде на поверхности. Не в силах больше терпеть, мальчишка решается.

– Миха! – зовет он шепотом. – Миха! – ноль эмоций. – Михась! – пацан почти срывается на крик, так что впереди сидящие ребята оборачиваются.

Парень поворачивается, смотрит на Сухова мутными слезящимися глазами.

– Чего развопился? – спрашивает он.

Сухов невольно ежится, не в силах вынести взгляда живого мертвеца.

«Неужели и у меня такой?» – думает он. От невеселых мыслей его отвлекает тычок кулаком в плечо.

– Зачем звал, пацан? – Михась, щурясь, смаочно сплевывает на стену.

– Сколько их у тебя? – спрашивает Сухов, поддернув рукав и показывая Михасю запястье.

– Салабон ты еще! – презрительно бросает Михась, глядя на единственный сигаретный ожог.

Черная метка – так называют этот знак в Убежище, разграничающий людей на две группы – тех, кто был на поверхности, и тех, кто еще не был.

– Гляди сюда! – Михась проворно закатывает рукав камуфляжной куртки, демонстрируя Сергею пару десятков ожоговых отметин. – И запомни – это тебе не трупаки легким пехом за ворота выбрасывать, все вылазки настоящие! Но ничего, – Михась презрительно смотрит на пацана, – ты все поймешь, когда начнешь кровью харкать от лучевухи!

Сухов судорожно сглатывает, живо представляя себе отсек для умирающих от лучевой болезни. Как говорят в Убежище – «наш лепрозорий», где гниющие заживо люди выблевывают собственные внутренности на пол. В последнее время им перестали колоть обезболивающие, и от их пронзительных криков можно сойти с ума. Кто следующий? Не знает никто. Но попасть туда – означает смерть: если не от боли или отказа внутренних органов, то от руки одного из врачей, по совместительству ставшего добровольцем, прекращающим мучения больных.

Лекарств на всех не хватает, и по общему решению совсем безнадежных в Убежище просто душат скрученным в жгут полотенцем. «Я обещаю вам смерть легкую и быструю», – новая клятва взамен Гиппократовой.

– Ну, щенки, теперь и вы дождались своей очереди! – разносится по коридору зычный голос. Пацаны поворачивают головы и видят, что к ним идет Игорь, здоровый красномордый детина лет тридцати пяти, которого за глаза в Убежище зовут Гнусом. Игорь обводит взглядом мальчишек, надолго задерживается на Сухове и продолжает:

– Встать, сопляки! Перекличка!

– Что, опять?! – удивляется Азат.

– Я сказал – встать! – рявкает Гнус. – Живо!

Вскочив, мальчишки по очереди выкрикивают свои фамилии. Когда очередь доходит до Сергея, Игорь его прерывает:

– Быстро сюда!

«Черт, неужели заложили», – думает пацан, вспомнив, что вчера перед отбоем, работая, как говорится, «на публику», потешал ребят, передразнивая манеру Гнуса постоянно шмыгать носом.

Протиснувшись между товарищами по несчастью, Сухов нехотя подходит к Игорю.

– Ближе, – цедит мужик сквозь зубы.

Мальчишка делает шаг вперед и тут же получает пудовым кулаком в челюсть. В глазах Сергея темнеет, он валится на бетонный пол.

– Вставай, слабак! – Гнус с размаху бьет его ботинком под ребра.

Согнувшись пополам, Сухов харкает кровью.

– Не нравится, да? – кричит Игорь, брызгая слюной. – Молчишь, падла? Что, только среди сопляков ты смелый? Как цирк устраивать – так ты первый, а как за слова ответить, так хвост поджал?! Поднимите его, – Игорь налитыми кровью глазами смотрит на ребят.

Сухова подхватывают под мышки и ставят на ноги.

– Ты, – палец Гнуса упирается в грудь пацана, – пойдешь в первом звене. Там и посмотрим, чего ты стоишь не на словах, а на деле.

Сухов сплевывает на пол, но молчит. Игорь окидывает его презрительным взглядом и бросает:

– Трепло!

Затем переводит взгляд на остальных:

– Сучата! Слушай мою команду. Задача у нас простая. Ищем еду, медикаменты, все, что не вымели с поверхности. Радиус ходки – пять километров. Хорошо, что снега в последние дни не было, идти проще будет. Местность наверху зачищена нашими бойцами, так что не ссымся раньше времени. Движемся по улице Кирова в центр города. Фон там терпимый. Внимательно смотрим на стены. Увидите значок радиации, оставленный нашими, – близко к дому не подходите. По возможности расширяем зону поисков. Работаем двойками: один рыщет, второй на стреме, тылы прикрывает. Из поля зрения не выбиваться, бдим, наблюдаем. Увидели стаю псов – карабкаетесь на что повыше. Если начинается пальба – падаете на землю и отползаете в укрытие. Ранили – молитесь. И для особо одаренных, – Гнус бросает взгляд на Сухова, – там, – он вытягивает руку вверх, – до фига «локалок» и хрен знает чего еще. Летом хоть по растениям можно прикинуть, где хорошо фонит, а сейчас под снегом, ступите не туда – и всё: здравствуй, лучевуха. Скопытитесь на раз. Поняли?

Мальчишки дружно кивают.

– А оружие? – выкрикивает самый мелкий и бритый наголо пацан, Валерка Кнышевой, которого все зовут Кныш.

– Оружие? – Гнус ухмыляется. – До оружия еще дорasti надо. Видишь? – Игорь вытягивает в сторону мальчишек руку с вороненым ТТ. – Не по тебе ствол. Тебе, дохляк, только из рогатки пулять.

Все ржут.

– А теперь, все, быстро собираемся! – Игорь машет рукой. – Сухов! Сюда!

Пацан становится рядом с Гнусом. Мужчина смотрит на него сверху вниз.

– Идешь только туда, куда я скажу, делаешь только то, что я скажу, даже дышишь только по моей команде, ты понял, щенок? – тяжелая рука ложится на плечо мальчишки. Свиные глазки бураяят его, словно пытаясь пробиться сквозь череп.

– Да, понял я, – нехотя отвечает Сергей, исподлобья глядя на Гнуса. – Куда уж понятнее, – пацан растирает опухшую челюсть.

Мужик кивает.

– То-то же. Михась! – Гнус поворачивает голову.

Миха быстро подходит к Гнусу.

– Приглядывай за ним, как только выйдем наружу, – это твой багаж.

Миха тяжело дышит, пыхтит и всем своим видом показывает, что он не рад свалившимся на него обузе, но, не смея перечить Игорю, бурчит:

– Ладно. Только если станет тормозить, я его оставлю на съеденье псов. Ты понял меня, салага? – обращается он к Сухову.

Мальчишка, явно осознав, что время шуток прошло и нужно держать язык за зубами, кивает.

– Я не подведу. Только говори, что делать там, хорошо?

Михась лыбится:

– А ты понятливый салабон. Своя шкура дороже понтов, верно? Держись меня, прорвемся!

– Наворковался? – Гнус бьет Сергея ладонью по затылку. – Тогда вперед, к остальным! – Игорь указывает на помещение, отделенное от коридора перегородкой из натянутой матовой пленки.

Мальчишка, отдернув замызганную занавесь, заходит внутрь небольшого отделения. Здесь уже стоят остальные пацаны.

– Щенки! – голос Гнуса заставляет всех вздрогнуть. Мужик обходит неровный ряд. – ОЗК вам не положены.

– Как это не положены?! – хором вопят пацаны. – Всегда же выдавали!

– Я сказал, не положены, и все! – взрывается Игорь. – Кончились ваши размеры, а давать вам взрослые себе дороже, вы их вжисть не отработаете. Поэтому наденете вот это, – Гнус тычет пальцем в сторону висящих на стене плотных черных мешков из-под мусора, в которые в Убежище упаковывают мертвецов. – Как раз для вас приберегли. Делаете следующее – надеваете свитера, бушлаты, куртки, все теплое, что есть. Затем оборачиваетесь в несколько слоев, запястья и щиколотки проматываете скотчем. На ноги – сапоги, сверху – дождевик или прорезиненный плащ.

– А противогазы? Противогазы как же? – раздается несколько неуверенных голосов.

Игорь усмехается, хитро смотрит в сторону Михася:

– Да зачем они вам? – но, видя округлившиеся глаза ребят, добавляет: – Что, уже в штаны наложили? Дам я вам «слоников», куда же вы там без них, – Гнус смеется, довольный своим розыгрышем.

– А может, все же дадите ОЗК? – не унимается Кныш.

– Думаешь, ОЗК напялил – и радиация тебе на страшна?! – орет Гнус. – Запомни, щенок, костюм защищает от радиоактивной пыли, а излучению все равно, в ОЗК ты или нет. Хочешь от излучения свой зад прикрыть, тогда в свинец завернись, думаю, сантиметров десять-пятнадцать помогут. Да только где его взять, а главное, как ходить. Сухов, ты у нас типа самый умный, может, подскажешь своему другу? – Игорь смотрит на мальчишку.

Сергей пожимает плечами, решив больше не заводить Гнуса.

– А… ты понял, что молчание – золото! – смеется Гнус. – Тогда давай, начинай, покажи всем пример!

Пацан подходит к стене и, сняв мешок, начинает заматывать себя с ног до головы.

– Быстрее! – подгоняет его Гнус. – А то мы до завтра не справимся.

Напялив на себя бушлат и несколько мешков, тщательно замотав запястья и щиколотки скотчем, Сухов становится похож на раздувшееся пугало.

– Ты посмотри! Могешь, если захочешь! – Игорь, шмыгнув носом, протягивает мальчишке противогаз и прорезиненный дождевик. – Все видели, как Сухов мумию изображает? – Гнус смотрит на ребят. – Тогда делайте как он!

Говорить дважды Игорю не приходится. Минут через десять отряд из восьми пацанов, больше напоминающих заправских бомжей, выстраивается вдоль стены в ожидании дальнейшей команды Гнуса.

– Так, отлично, – Игорь окидывает ребят взглядом, – а теперь – разбирай оружие, как раз для вас припасли!

Гнус пинает носком ботинка сумку, стоящую у стены. Михась расстегивает молнию и высypает на пол с десяток ножей. Мальчишки кидаются вперед и, ползая на коленях, толкаясь и сопя, расхватывают, кто что может.

Сухову достается увесистый тупой тесак, покрытый ржавыми пятнами и бурыми разводами.

«Никак нам оружие после той ночи резни спихнули», – думает мальчишка, вспомнив события месячной давности. Тогда с десяток человек из двух разных блоков, видимо, не поделив скучный паек, решили урегулировать продуктовую проблему путем уменьшения численности населения Убежища.

Тогда, как и в первые месяцы после Удара, при решении любых проблем снова проявился характер начальника Убежища – Колесникова Игоря Владимировича или Бати, как он сам себя называл. Жестокий и расчетливый мужик, единственный и полновластный хозяин Убежища, сумел обуздить распаленную кровью толпу выстрелами из автомата. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он самолично, ради экономии патронов, перерезал ножом горло трем главным зачинщикам бунта.

Как это возможно? Наверное, в таких – запредельных – ситуациях людям нужен пастырь, способный править железной рукой...

Пацаны стоят, часто дышат. Каждый из них мысленно отсчитывает секунды до того момента, когда им предстоит выйти наружу.

Десять, девять, восемь, семь...

Обратный отсчет. Что их ждет, там, в мире, ставшим враждебным для всего живого? Кто знает. Странное щемящее чувство безысходности овладевает каждым. Словно стоит только переступить порог – и тебя встретит смерть.

От невеселых мыслей ребят отвлекает окрик Гнуса:

– Готовы, пацанчики? Тогда марш в коридор!

Мальчишки нехотя выходят из помещения. Последними идут Сухов и Михась. Неожиданно Миха отвешивает Сергею подзатыльник. Сухов оборачивается, открывает рот, намереваясь что-то сказать, но Михаил его опережает:

– Эй, салабон, как выйдем наружу, держись меня, – бубнит Сухову через переговорную мембрану «ГП-7» на ухо Михась, демонстративно передергивая затвор СКС. В отличие от пацанов, ему оружие и ОЗК положено по статусу. – И дружбану своему, этому мелкому, тоже скажи, чтобы впереди не бежал. Не нравится мне эта движуха. Ни прикрытия, ни оружия толкового нет. Виктора убрали, этого идиота навязали.

Поколебавшись, Михась роется в заплечной сумке и быстро сует Сухову увесистый сверток.

– Смотри, не запали волыну раньше времени. Мы с тобой вроде как напарники, а без оружия там, – Михась смотрит вверх, – делать нечего. Стрелять умеешь?

Пацан мотает головой.

– Откуда, кто на нас патроны тратить будет? Только со стороны видел, как шмаляют.

– Понятно, салабон, – Миха тычет мальчишку в бок кулаком. – Не дрейфь, пацан, если до пульбы дойдет, я тебе покажу, что к чему. Жить захочешь, быстро научишься.

– Хорошо, – кивает Сухов.

– Я буду тебя Серым звать, – лыбится Миха, – а то по фамилии как-то поднадоело.

Мальчишка соглашается и быстро засовывает пистолет в рюкзак. Напарники выходят из помещения.

В этот момент Гнус отдает команду:

– Щенки, надеть «слоников»! Подольск ждет вас!

Сказав это, Игорь натягивает на голову противогаз, наваливается на штурвал внутренней гермодвери и, напрягшись, со скрипом начинает вращать колесо.

Мальчишки, надев «ГП-4у» и подтянув противогазные сумки, терпеливо ждут приказа к выходу на поверхность.

«Все мы там сдохнем», – думает Сергей. По его коже бегут мураски. Чем шире открывается гермодверь, тем меньше ему хочется выходить наружу. Мальчишка старается унять дрожь в коленках. Он слышит, как снаружи доносятся завывания ветра. Сухов становится тем, кто он

и есть, – пятнадцатилетним сопляком, скрывающим свою неуверенность и страх под маской бравады.

Тем временем, ребята, для скорости подгоняемые Игорем ударами приклада «АК-74» по спинам, один за другим исчезают в чреве коридора, ведущего на поверхность.

– Сухов, твою-то за ногу! – орет Гнус. – А тебе что, надо особое приглашение?! Бегом за ними!

Глубоко вдохнув, как перед прыжком с вышки, Сергей, пересилив себя, срывается с места и мчится по ступеням наверх, еще не зная, что этот выход на поверхность навсегда изменит его жизнь...

Глава 2 Палац

Подольск. Из-за серой хмари, спустившейся на город, не разобрать – утро сейчас или день. Мутный солнечный диск прячется за свинцовыми облаками. Ледяной ветер, пронзительно завывая, мчится по пустым улицам, швыряясь комьями снега.

Вокруг стоят заброшенные и обгоревшие дома. На стенах четырех высоток белой краской на сине-красном фоне выведены надписи:

«Подольск»,
«Город ратной славы»,
«Город труженик»,
«Город созидания».

Для полноты картины осталось только добавить: «Город мертвых».

Пустые квартиры зияют глазницами выбитых окон. Коридоры и пролеты запорошены снегом, распахнутые настежь двери точно приглашают войти, но живых здесь нет, везде лишь слежавшийся мусор. Видно, что люди в спешке покидали это место. Где они сейчас? Лежат вдоль дорог или в подвалах? Кто знает? Город, превратившийся в гигантский погост, умеет хранить свои тайны, ревностно оберегая покой мертвцевов и гневаясь, едва его нарушает тихая речь живых.

А вот и они – смельчаки или безумцы, осмелившиеся вылезти из своего подземья. По заснеженной улице медленно движется отряд из десяти человек. Во главе отряда идет высокий человек в ОЗК. В руках у него автомат. Замыкает группу боец с СКС. У остальных огнестрельного оружия не видно, только холодное. Под ногами тихо скрипит снежный наст, слышится прерывистое дыхание. Ступая друг за другом, шаг в шаг, люди осторожно идут вдоль глубокой траншеи, тянущейся посередине перекопанного дорожного полотна.

Судя по строительной технике и демонтированным трубам, до Удара здесь велись земляные работы. Выкопать выкопали, а засыпать теплотрассу не успели, и теперь стенки глубокой траншеи медленно и верно сползают вниз.

Поминутно оглядываясь, люди, чьих лиц не разобрать за тупыми масками противогазов, подходят к одному из домов. Слышится матерый оклик высокого человека в ОЗК. Он снимает лямку «АК-74» с плеча, затем поднимает вверх руку со сжатым кулаком. Слышится глухой приказ и, пригнувшись, люди неуклюже разбегаются, прячась за проржавевшими кузовами машин. Боец, замыкающий отряд, сдергивает с плеча СКС и медленно шарит стволом карабина по окнам обгоревших домов, еще не зная, что сам является мишенью…

* * *

«Ну что, крысятки, опять вылезли из своей норы? С прошлого раза еще не наелись?» – спрашивает сам себя человек, одетый в защитный костюм и наброшенную поверх него грязно-белую «кикимору». Сидя под окном в одной из заброшенных квартир многоэтажки, он медленно поворачивает перископную трубу, плотно прижимая монокуляр к панорамному стеклу маски противогаза.

«М-да, – щурится человек, следя за отрядом, – что-то дохлые вы какие-то. В убежище других бойцов не осталось? И с оружием у вас сегодня кисло. Один карабин и автомат, поиздиржались совсем? Ну-ну. Как же мне поступить? – человек ухмыляется. – Положить вас друг за другом за десять щелчков или… – перископная труба, обмотанная серым бинтом, смешается немного правее, – поиграть с вами, как в прошлый раз?»

Губы человека расползаются в усмешке.

– Треха, а ты что думаешь? – задает вопрос мужчина, оторвав взор от перископа. Повернув голову, он глядит в противоположный угол комнаты, где на рюкзаке лежит снайперская винтовка Мосина. – Расстояние восемьсот метров. Справимся? – стрелок внимательно смотрит на винтовку, словно это живое существо и она может ответить. – Молчание – знак согласия, да? – стрелок задумывается. – Решено: поиграем. Ты правда не против, а, Треха? – снайпер поворачивается и вновь прикасается к монокуляру перископа.

Он видит, как разведчики встают и направляются к одному из подъездов. С трудом отомкнув железную дверь, они один за другим исчезают в черноте проема. Последний человек внезапно оборачивается и, как кажется стрелку, смотрит прямо в окно квартиры, где он прячется. Затем разведчик поворачивается и, оправив лямку рюкзака, скрывается в подъезде.

«Что, родимый, смерть свою почуял? – хмыкает снайпер. – Иди, иди куда шел! Думаешь, я про берлогу вашу не знаю, конспираторы хреновы? Вы бы еще краской на двери намалевали: «Схрон здесь!». Сейчас в подвал залезете, нужду малую и большую справите, фильтры в своих противогазах смените, передохнете и снова в путь отправитесь. Все как обычно, хоть время сверяй. Вот здесь-то я вас и встречу».

Прижавшись спиной к стене, охотник на людей не спеша садится на пенополиуретановый коврик. Выставив таймер наручных часов на полчаса, человек смотрит на «мосинку» и говорит:

– Не осуждай меня, не смотри так! Это не месть, а правосудие. Я же столько раз рассказывал тебе, что произошло в тот день! Ты знаешь, почему они все должны сдохнуть! – в голосе стрелка звенит сталь, мгновение спустя он добавляет: – Не сердись на меня… Устал я, очень устал. Одни мы с тобой остались Треха. Что? – переспрашивает мужчина. – Ты не согласна? Что ты хочешь сказать мне, а?.. Нет, – снайпер качает головой и продолжает свой странный, точно ирреальный разговор. – Она не в счет, – мужчина глубоко вздыхает. – На самом деле, одни мы с тобой в этом проклятом мире… Веришь, вот лег бы здесь сейчас и заснул, только нельзя, дело еще не сделано. – Стрелок с минуту смотрит в одну точку, затем, словно очнувшись от забытья, добавляет: – Холодно что-то здесь, согреемся Треха?

Достав из рюкзака каталитическую грелку, охотник подогревает над пламенем зажигалки сетчатый патрон. Запустив грелку «в работу», он засовывает ее под шкуру «кикиморы». Затем, отстегнув застежку на «липучке» и порыввшись в глубоком нарукавном кармане, человек достает запечатанную в пластик фотографию.

– Все ради вас, – снайпер приближает к маске противогаза запаянную в пластик фотокарточку, где засняты трое – миловидная женщина с маленькой девочкой на руках и обнимающий их крепкий мужчина в военной униформе.

Стрелок переворачивает фотокарточку, смотрит на оборот. Его губы беззвучно читают: «Николаю от Ани и Варечки – моему любимому мужчине и лучшему отцу на свете».

Одинокая слеза, скатившись из уголка глаза, стекает по щеке снайпера. Машинистично дотронувшись до маски противогаза, Николай произносит:

– Надеюсь, вам там хорошо. Но ничего, скоро мы встретимся, уже скоро… – стрелок закрывает глаза и окунается в бешеный круговорот воспоминаний…

Как же так случилось, что он, прошедший через несколько локальных войн, не спас их, а сам остался жив? Этот вопрос не давал ему покоя последние два с половиной года. Опыт службы в разведроте ВДВ даром не проходит. Снайперов бывших не бывает, особенно если за плечами служба в горячих точках.

В отличие от большинства, как он их называл, «диванных хомячков», Николай в последние годы готовился к чему-то такому. Его нельзя было назвать параноиком или сумасшедшим, но, пройдя через мясорубку войн, он твердо уверовал, что рано или поздно кто-нибудь выпустит ядерного джина из бутылки. Он слишком хорошо изучил человеческую природу, рассматривая глаза врага через прицел СВД.

Война – это лакмусовая бумажка, раскрашивающая людей в разные цвета, но все больше красным и черным. Трудно оставаться самим собой, когда видишь, как погибают товарищи. Еще труднее сохранять хладнокровие, вытаскивая то, что от них осталось, из ям и подвалов, превращенных в пыточные. И совсем невозможно сдержаться, зная о том, что теперь ты – ровня богу и в твоей власти решать, кому жить, а кому умирать. Ведь перед пулей все равны, и неважно – генерал ты или рядовой. Цвет крови, как и вываливающиеся из разнесенной головы мозги, у всех одинаковы.

Все имеет начало и конец. Войны закончились. Но, устроившись работать охранником в торговый комплекс, Николай так и не смог забыть того странного пьянящего чувства пре-восходства над всеми, возникающего где-то там, на задворках сознания, когда после выстрела приклад отдает в плечо, а к цели устремляется смерть, посланная твоей рукой.

Николай стал постоянно ввязываться в стычки с пьяными или подвернувшимися под горячую руку подонками, решившими, что в этой жизни им позволено больше других. Опыт и комплекция позволяли ему утихомирить любого буйна. Но как-то раз Николай перестарался, и очередной «клиент» угодил в реанимацию. Отделавшись легким испугом, он пообещал жене, что больше этого не повторится.

Из охраны он ушел, однако ему повезло: устроился работать инструктором по стрелковой подготовке. Работа не пыльная, а к оружию близко. Именно тогда Николай подсел на «ганзу» и апгрейд оружия. Руки росли откуда нужно, а разрешения на владение и ношение были совсем не лишними. Завязались нужные знакомства, появились друзья, повернутые на оружии. Со временем подтянулись, как они сами себя называли, сурвайеры – или, проще говоря, выживальщики – большие любители порассуждать на тему веселой жизни после прихода белого зверька по имени Песец.

И не важно, каким способом Господь решит покарать своих нерадивых детей – наслав на них огонь или воду, а может, и все вместе сразу. Главное, как говорили эти домашние теоретики – затариться под завязку оружием и «ништяками», переждать, а там кривая судьбы как-то да вывезет, ведь мы – хищники, а не жертвы.

Николай лишь улыбался, слушая рассказы болтунов о том, как они будут мародерить, набивая рюкзаки банками с тушенкой и пачками с патронами. Уж кому как не ему знать, что означает настоящая война, и в кого превращается человек, вынужденный жить по закону джунглей.

Одно дело – пострелять из «Сайги» в тактическом обвесе на стрельбище, и совсем другое – реальный уличный бой или штурм хорошо укрепленного дома. Как говорится: «Молодец против овец, а против молодца и сам овца».

От любителей потрапать языком Николай старался держаться подальше. Впрочем, иногда он прислушивался к той чуши, что они несли, и давно про себя решил: снайпер при любом раскладе наиболее приспособлен к выживанию. А для этого необходимо было обзавестись настоящим оружием.

Так и появилась у него его давняя мечта – редчайшая винтовка Мосина, собранная еще в царское время и прошедшая через Вторую мировую войну. «Трехлинейку» Николай собственноручно довел «до ума», заменив растрескавшееся ореховое ложе на буковое и поставив на винтовку современную оптику.

Не забыл он заныкать «тревожный чемоданчик», в укрепленном подвале, на недавно купленной даче, находящейся за «сто первым километром» в одной из заброшенных деревень. Место, по мнению Николая, которое не будут, случись чего, бомбить. А главное – Николай всегда помнил слова своего командира: при любой непредвиденной ситуации можно надеяться только на везение и автомат Калашникова. Осталось проверить эту мысль…

Николай не удивился, когда однажды услышал заунывный вой сирен, перемежающийся двумя длинными гудками и одним коротким – сигналом атомной тревоги и голосом, повторя-

ющим из радиоприемника: «Внимание, граждане! Воздушная тревога». Точно знал, что так и будет. Схватив жену и дочь, он буквально закинул их в свой лифтованный старенький «узик» и ринулся в единственное, по его мнению, надежное место в городе – убежище при Подольской городской клинической больнице, где думал переждать удар, прежде чем двинуть на дачу.

Оставив «козла» возле больничной ограды и, на всякий случай, включив противоугонную «секретку», Николай, подбежав с семьей к убежищу, увидел у входа в «бомбарь» огромную яростно галдящую толпу. Опоздали – это первое, что пришло ему в голову. Но прислушавшись к разговорам, Николай понял, что еще не все потеряно.

Случившееся потом, и как он умудрился вместе с Аней и Варенькой оказаться в первых рядах, Николай даже сейчас не смог бы объяснить. Как говорится: черт дернул, да и силы не занимать – растолкал всех.

Эх! Если бы время можно было повернуть вспять. Он уже сотни раз проклял себя за то, что вместо того, чтобы уехать прочь из города, решил переждать тот день в убежище! Но сделанного уже не воротишь. А теперь, все что остается – ненавидеть себя за опрометчивый шаг...

События тех страшных минут, перед самым ударом, пульсируют в мозгу Николая частыми вспышками в ночи пулеметной очереди из трассеров. Что-то помнится отчетливо, что-то пропадает во тьме.

Глаза людей в гудящей толпе постепенно наливаются кровью. Слышится призыв идти на штурм убежища. Секунда – и беснующаяся толпа, как бурный речной поток, подхватив Николая, Варю и Аню, рвется вперед. Озверевшие люди буквально сминают пост охраны, выставленный у дверей прохода, ведущего вниз. Десятки пар ног стучат каблуками по ступеням. Скрюченные пальцы цепляются за металлические створки быстро затворяемых гермоворот. Слышится пронзительный женский визг:

– Пустите нас! Ну, пустите!

Стальная дверь замирает, точно решая, в какую сторону ей идти. Одни люди смотрят с отчаяньем, другие с ненавистью. Но каждая из сторон хорошо понимает, что убежище, рассчитанное на тысячу пятьсот человек, не сможет принять всех. Укрываемых и так раза в два больше, чем положено, а каждый лишний рот – это жирный минус из твоей скучной пайки. И все те, кто сейчас хочет войти внутрь – враги, обрекающие тебя на голодную смерть.

Кажется, что секундная заминка тянется целую вечность. У кого-то не выдерживают нервы.

– Бей их! Бей! Если они закроют дверь, мы все покойники!

С этим криком начинается отчаянный мордобой. Николай видит, как здоровенный лысый мужик, ростом под два метра, оттеснив остальных, нещадно дубасит пудовыми кулаками защитников убежища, разбивает одному из них лицо в кровь.

Гермодверь пятнают алые брызги, и она, словно приняв кровавую жертву, дрогнув, начинает открываться все шире и шире. В этот момент Николай замечает у человека с разбитым носом – чоповца, судя по черной униформе и бейдже с именем Виктор на нагрудном кармане, – зарождающуюся искру безумия в глазах. Таких взглядов он насмотрелся на войне, а доведенных до отчаяния людей надо бояться в первую очередь.

Все остальное происходит с молниеносной скоростью. Рука Виктора ныряет за отворот куртки, мгновение спустя в его кулаке оказывается ПМ. Толпа замирает. По напряженным взглядам чувствуется нарастающая тревога.

Николай, видя, как расширились зрачки охранника, понимает, что последует вслед за этим. Он пытается закричать, но его слова точно застревают в глотке. Здоровяк поворачивается к толпе и, ухмыляясь, говорит:

– Да он не посмеет! Кишка у него тонка!

А Николай, заслонив собой жену и дочь, почему-то думает, что блестящий от пота затылок – это отличная мишень. В этот момент раздается оглушительный выстрел.

Бам!

Лысая голова здоровяка взрывается как переспелый арбуз. Слышатся истошные вопли. Чоповец с дымящимся пистолетом в руке обводит людей странным отсутствующим взглядом и, видя, что толпа все равно готова ринуться вперед, открывает беспорядочную пальбу.

Бам! Бам! Бам!

Три выстрела сливаются в один. В тесноте коридора они напоминают раскаты грома. Слышатся отчаянные крики, на бетонный пол падают двое.

– Все назад! Назад, суки! А то всех положу! – кричит Виктор, водя стволом по дуге. – Мест больше нет, вы опоздали!

Но толпа, слепая в своей ярости, все напирает, подталкивая упирающийся первый ряд под пули. Пистолет в руке чоповца дрожит. Палец медленно дожимает спусковой крючок.

Бам!

Еще один человек валится на пол.

Бам!

Седовласый мужчина, стоящий возле стены, тихо охнув, хватается за живот и сгибается пополам.

– У него только восемь патронов! Осталось два, всех не перестреляет! – кричат из задних рядов.

– Верно! – кричит коротко стриженный парень, щелкая кнопкой выкидного ножа. – Сейчас я этому ворошиловскому стрелку ливер на сталь намотаю!

Бам!

Горлопан, вскинув руки, оседает на пол лицом вниз.

– Мужики, да навалитесь вы на него скопом и кончите его! – разносится под потолком визгливый женский голос.

Но никто не делает и шага. Все гадают, кому достанется последняя пуля, ведь главное сейчас – это не словить ее самому. Толпа замирает в паре метров от Виктора. Десятки пар глаз прожигают охранника нас kvозь. Задние ряды напирают на передние, расстояние сокращается.

– А ну, отзынь в сторону! – с этим возгласом позади чоповца появляется коренастый мужик в костюме. До обостренного слуха Николая долетает скрежещущий звук передергиваемого автоматного затвора.

– Шмаляйте в них Игорь Владимирович! Шмаляйте, и дверь закрываем, а не то они всех погубят!

Николай, внезапно осознав, что сейчас должно произойти, резко поворачивается и буквально расшвыривает оцепеневших людей в стороны, пытаясь запихнуть в образовавшийся промежуток жену и дочь, но уже на подсознательном уровне понимает, что не успевает.

К финальному выстрелу из ПМ присоединяется характерный треск «АКС-74У».

Руку Николая жалит огнем. Жена неожиданно охает и, прижимая к себе дочь, валится на пол. Вслед за ней падает еще несколько человек.

Длинная очередь, выпущенная из полицейского «ублюдка» почти в упор, выкашивает людей. Толпа бежит назад.

Наверх!

Наверх!

Мужчины и женщины, старые и молодые. Перепрыгивая через ступеньки, втаптывают друг друга в бетон. Лишь бы заслониться соседом, чтобы не тебя, а его стегнул по спине свинцовый хлыст.

Слышится хруст костей. Крики и стоны раненых. Проклятия и предсмертные крики умирающих. Защитники убежища тем временем захлопывают гермодверь. Раздается скрежет поворотного штурвала.

Некоторые, осознав, что теперь они обречены оставаться на поверхности, возвращаются и начинают отчаянно барабанить в железные створки гермоворот.

– Пустите нас! Откройте! Вы не можете бросить нас здесь подыхать! – жалобно разносится под потолком.

А Николай, ползая на коленях по полу, ищет среди изувеченных и раздавленных тел прошибную пулю жену и дочь. Находит. Прижав к себе окровавленные тела, он глухо воет.

Внезапно снаружи раздается нарастающий гул, сменяющийся оглушительным рокотом. Земля вздрогивает, и Николая, точно тряпичную куклу, швыряет об стену. Следует еще один удар, затем еще один и еще, на этот раз сильнее первого, слышится страшный грохот и отчаянные вопли людей наверху.

Николай чувствует, как его рот заполняется кровью, в ушах звенит, яркие огненные всполохи пляшут перед глазами. Последнее, что он помнит – это широко распахнутые глаза жены, лежащей в трех метрах от него, и изувеченное тельце дочери, чье платьице густо заляпано кровавыми разводами. Вскоре все сменяется тьмой, и Николай проваливается в бездну...

* * *

Сколько часов Николай пролежал, заживо погребенный под грудой тел, прежде чем ему удалось выползти на поверхность? Кто знает. Воспоминания, разбитые на куски. Прошлая жизнь развеяна по ветру вместе с пеплом пожарищ. В чем-то Николаю повезло: ему удалось выжить и, за время беспамятства, переждать первый «распад» радиоактивных осадков, который накрыл немногих выживших в городе. Но душу он потерял, оставил ее вместе с женой и ребенком на ступенях, ведущих к убежищу.

Потом Николаю повезло во второй раз: «козел» оказался на месте, хоть и с побитыми стеклами, а дизельный двигатель с «секреткой» завелся. Так Николай смог убраться как можно дальше от мертвого города.

Запасы оружия, медикаментов и припасов, собранных на даче, обеспечили ему автономное существование. Здесь ему повезло в третий раз: начавшуюся лучевуху удалось придушить ударными дозами радиопротекторов и внутривенным вливанием витаминов.

Месяц шел за месяцем. Николай, облачившись в ОЗК, изредка выходил из подвала наружу, внимательно наблюдая за цифрами на дозиметре. Фон был терпимым. Сказалась удаленность деревни и отсутствие в радиусе пары десятков километров потенциальных целей.

Николай был готов к миру *после*, но... Привыкнуть к оглашающей ночной тишине и к крикам воронья, клюющего трупы вдоль дорог, невозможно.

В город, предполагая, какой там фон, Николай возвращаться пока не хотел. Решив выждать, он, вооружившись винтовкой и пистолетом, бродил по округе, постепенно расширяя радиус своих ходок. Просто так, без особой цели, собирая, что не успели вынести из деревенских домов изредка появляющиеся здесь мародеры. Кого-то он подстрелил, кто-то подыхал сам.

Примерно год спустя Николай стал уходить все дальше, бродя по опустевшим деревням, пока однажды не решил, что все, хватит: еще немного, и он свихнется, или застрелится. Стимула жить дальше нет. Он превратился в тень себя самого, прежнего, уверенного и сильного. Высохшая оболочка, заполненная плотью.

Сев в «козла» и под завязку затарившись «ништяками» и оружием, он двинул в сторону Подольска, еще сам не понимая, что его так тянет туда – к мертвцам, точно стараясь унять непонятный зуд в глубине души...

Постоянно останавливаясь, снимая показания с дозиметра, Николай бросками добирался до одной из близлежащих деревень. Понимая, что время работает против него, а рентгены капают, снайпер решил не переть в город нахрапом, а, для начала, осмотреться и прошвырнуться по окраинам.

Говорят, что судьба предопределена. Так, Николай набрел на одну деревню, населенную...

Николай хорошо знал, во что может превратиться человек в экстремальной ситуации. Но увиденное через прицел винтовки на подворье одного из домов выходило за грани его понимания.

Нельзя сказать, что немногочисленные обитатели поселка, окопавшиеся в одном из домов, подвал которого был превращен в настоящее убежище с запасами продовольствия, оружия и медикаментов, голодали. Судя по всему, у них были припасы, но, видимо, они решили разнообразить свое меню. Например, изредка, ради удовольствия, поедая себе подобных, а затем выбрасывая дочиста обглоданные костяки наружу.

Решение само собой пришло Николаю на ум, когда он осознал, чем занимаются выжившие. Надо было зачистить это место. Убить всех и каждого, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. Так он и сделал. Тем более, что дом с хорошо оборудованным подвалом – лакомый кусочек.

Николай перестрелял всех до единого. Просто, размеренно, методично. Чувствуя себя хирургом, вырезающим раковую опухоль. Всех, кроме одной женщины, волею судьбы оказавшейся врачом, и спасшей ему жизнь от вновь начавшейся лучевухи.

Именно события тех дней подсказали Николаю, что предпринять дальше. Они вдохнули в него новые силы, давая смысл существовать.

Говорят, что время лечит раны. Не верьте. Оно лишь приглушает боль. Николай решил отомстить всем тем, кто забился в убежище Подольска. Всем тем, кто, по его мнению, был повинен в смерти его жены и дочери. А такая вина искупается только кровью. Оставалось только дождаться подходящего момента. Затаиться в подвале, ничем не выказывая своего присутствия. Ждать, наблюдая за обстановкой, и, как только позволит начавший падать фон, навести шороху на укрываемых.

Так прошел еще год. Природа совершила очередной кругооборот. Лето сменилось суро-вой зимой. Николай, в очередной раз сверив показания дозиметра с графиком, на котором он отмечал падение радиационного фона, решил – пора. И в один из дней вернулся в город, обустроив заброшенную квартиру на окраине под склон.

Снайпинг – удел терпеливых. Николай думал, что хорошо познал смысл этого выражения. Как же он ошибался. Жизнь *после* внесла свои коррективы. Невыносимо сидеть на «фишке» и ждать, зная о том, что каждая минута, проведенная на поверхности, может снова запустить лучевуху. Не поможет ни новенький ОЗК-Ф, ни таблетки «Б-190». Хотя «бэха» – или, как прозвал этот радиопротектор Николай, лекарство от трусости, – помогает хотя бы психологически, даря призрачную надежду не откинуться раньше времени.

Время... которого нет. Стрелку часов теперь заменяет электронное табло дозиметра, на котором постоянно бегут цифры гамма-излучения. Хронометр постапокалипсиса, отмеряющий время жизни и смерти.

Несколько дней наблюдений принесли свои плоды: из убежища, сначала по двое-трое, а затем – группами по пять человек, начали выползать поисковики и разведчики. Уже не те, первые, – смертники, дрожащие от страха. Нет, это были другие – сильные, уверенные в себе бойцы, целенаправленно выметающие все в округе и дальше – в деревнях, на складах, из полицейских участков и заброшенных военных частей. Несмотря на огромное желание перестрелять их всех, Николай заставил себя проследить за отрядами, тщательно фиксируя на карте их перемещения.

За первой группой последовала вторая, третья, четвертая, двадцатая... И лишь когда на поверхности, «на расслабоне», из-за самоуверенности, стали регулярно показываться хорошо вооруженные отряды человек по восемь-десять, снайпер решил действовать, подумав, что внезапное исчезновение опытных бойцов с оружием внесет сумятицу в убежище.

Итог – не ушел никто. Убийства дались Николаю легко. Даже слишком легко. Словно это были не люди, которых он недавно мог встретить на улице, а бездушные картонные фигурки, теперь застывшие в снегу.

Забрав у мертвецов оружие и припасы, стрелок ушел, чтобы вернуться через несколько дней за новыми жертвами. Отныне он – призрак, способный лишь мстить всем тем, кто, по его мнению, виноват в смерти его семьи.

Любящий отец, судья и палач – Николай стал един в трех лицах, все чаще ловя себя на мысли, что убийства постепенно становятся рутиной, словно перед ним разматывается бесконечная лента с мишениями, где все лица похожи одно на другое. И даже игра в «кошки-мышки», – он подстреливал разведчика в ногу и терпеливо ждал, когда за раненым придут товарищи, чтобы разом положить всех, – перестала приносить былое удовлетворение. А самое главное, не узнать, был ли среди них человек, открывший огонь из автомата.

Смерть предоставила Николаю отсрочку, вот только как воспользоваться выпавшим шансом? Он знал, что его дни сочтены. Лучевуха снова вернулась. Охотник на людей все чаще харкал кровью, а из-за дрожи в руках точно прицеливаться с каждым разом становилось все труднее и труднее. Сказалось то, что свою дозу он хватнул еще тогда – в первые дни, когда уходил из города.

Но ненависть превратилась в чистый адреналин – его собственное ядерное топливо, заставляющее работать организм за гранью возможного. Николай понимал, что перестрелять всех в убежище не удастся при любом раскладе. А если выкурить врага нельзя, то его надо уничтожить в его же логове. Так и родилась у снайпера идея подорвать главный и запасной выходы, завалить вентиляционные шахты и тем самым превратить убежище в братскую могилу.

Но от идеи до ее реализации путь неблизкий. Простой тротиловой шашкой бетон не рванешь. Нужно что-то серьезнее. Например, сделать так называемый игданит – смесь из аммиачной селитры и дизельного топлива, – однако Николай все тянул, придумывая тысячи отговорок, почему нельзя взрывать убежище, словно боясь признаться себе в мысли, что, как бы там ни было, ему просто нравится убивать. Или мстить? Мысли путаются в голове. Теперь уже все равно, главное – забрать всех с собой...

* * *

На запястье человека выбирает будильник. Снайпер открывает глаза. Глянув на подсвеченные стрелки, Николай сжимает и разжимает пальцы, восстанавливая кровообращение. Затем ложится на пол и ползет вперед. Добравшись до рюкзака, он берет винтовку. Пальцы в толстой рукавице смыкаются на ложе «трехлинейки». Стрелок встает, перекидывает винтовку за спину. Чуть нагнувшись, достает из набедренной кобуры пистолет-пулемет «Кедр» и, осторожно отворив дверь, выходит из комнаты.

«Быстрее! Осторожнее! Внимательнее!» – выстреливает человеческий мозг одну команду за другой.

Как тень перемещаясь по коридору, снайпер поднимается на один этаж выше и заходит в квартиру под номером триста шестьдесят пять. Ствол пистолета-пулемета качается влево и вправо. Больше по привычке, чем по необходимости, Николай внимательно осматривает помещение.

Выбитые ударной волной окна распахнуты специально. Слой снега не тронут, в квартире так же пусто, как и несколько дней назад. Но самоуверенный снайпер – это мертвый снайпер. Именно этому его научила война.

Скинув рюкзак и положив на него винтовку, Николай, скользя по стене, подбирается к окну и достает перископную трубу. Приникнув к окуляру, он вглядывается в пространство. Проходит минута, другая, третья. Глядя со стороны, можно подумать, что это застыл не человек, а каменный истукан. Но вскоре губы Николая расплзаются в усмешке.

– Ну, придуры, вы прямо как по расписанию! Отогрелись, перекусили и в путь-дороженьку отправились, а вот тут-то я вас и встречу, – шепчет снайпер, видя, как из темного чрева подъезда один за другим осторожно выходят разведчики.

Отложив перископ, Николай делает три шага назад, берет винтовку и ложится на два сбитых друг с другом стола. Приклад упирается в плечо. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Мир в глазах охотника на людей сжимается до размера линзы прицела. Указательный палец выныривает из разреза в рукавице и уверенно ложится на спусковой крючок.

Стрелять в противогазе неудобно, еще тяжелее выбирать мишень, когда приходится целиться из глубины комнаты, но эта игра стоит свеч.

«Так, – думает Николай, наблюдая через прицел за разведчиками. – Начинаем. Ну что, Треха, как всегда – нашу любимую считалочку? – снайпер улыбается. – «Десять негритят решили пообедать, один вдруг поперхнулся… – задержка дыхания, палец медленно выбирает свободный ход спускового механизма и дожимает крючок. Слышится грохот выстрела. Приклад привычно толкает в плечо, – …и их осталось девять», – выдыхает Николай, видя, как голова вооруженного автомата человека в ОЗК резко дергается назад, и он падает как подкошенный.

Разведчики замирают, недоуменно крутят головами по сторонам. Лишь один из них, дернув рядом стоящего бойца за рукав плаща, валится в траншею, припорощенную снегом.

«Быстрый, зараза! – досадует Николай. – Но от меня не уйдешь».

Секундная заминка. Вдох, выдох. Ствол винтовки смещается на доли миллиметра, и палец вновь дожимает спуск. Ноги еще одного горе-разведчика подгибаются, и он, рухнув на колени, утыкается лицом в снег.

Тем временем остальные бойцы, словно очнувшись от сна, бросаются врассыпную, стараясь спрятаться. Еще один выстрел разрывает мертвую тишину, повисшую над городом. Третий разведчик, широко раскинув руки, падает на капот машины, до которой так и не успел добежать.

«Так, кто четвертый? – мысленно спрашивает сам себя Николай. – Может быть, ты? – ствол винтовки смещается влево. Подкрутив маховичок прицела, снайпер с любопытством разглядывает бойца, спрятавшегося в салоне джипа. – Считаешь себя самым умным, да? Хм, даже не интересно, внесем-ка элемент разнообразия!»

Палец вновь дожимает спуск. Снайпер почти чувствует, как к цели устремляются девять граммов свинца, несущие смерть. Пуля пробивает кузов. Раздается вскрик, боец вываливается из салона и, схватившись за плечо, катается по снегу, но вскоре затихает, лишь глухо рыча сквозь противогазную мембранны.

«Ну что, воины, мля, поможете товарищу?! Или так и будете сидеть в своих норках? – стрелок терпеливо выжидает несколько минут. – Что, нет желающих? А если попробовать вот так?»

Николай, оторвавшись от прицела, переводит взгляд на разложенные по правую руку боеприпасы. Приметив среди них патрон с тупой головной частью, берет его, поднимает гнувшийся рычаг затвора вверх, отводит его назад, и отработанным до автоматизма движением руки вбрасывает патрон в патронник.

«Так, – думает снайпер, приникая к прицелу. – Пациент скорее жив, чем мертв, но это поправимо».

Привычные вдох, выдох, задержка дыхания. Эхо выстрела мечется среди панельных многоэтажек. Николай, наблюдая за разведчиком в прицел, видит, как жертва резко дергается в тот момент, когда экспансивная пуля попадает в бедро. Ветер приносит отчаянный вопль.

«Кричи, кричи громче! – шурится снайпер, замечая, как быстро алеет снег под бойцом. – Кричи так громко, чтобы твои друзья вылезли из своих норок и подставили лбы. А я уж постараюсь, обещаю им смерть быструю и милостивую – девяиграммовую! – сторонний наблюдатель, окажись он сейчас в комнате, мог бы заметить, как губы Николая расходятся в зловещей усмешке. – А это кто там у нас? – ствол винтовки смещается выше и правее. – Ба! Герой! Ну, давай, давай выползай, спасай своего товарища, а то мне уже скучно становится. А еще лучше – подставь голову! – снайпер видит, что над краем траншеи, куда свалились два разведчика, несколько раз показывается противогаз. – Четыре негритенка пошли купаться в море, один попался на приманку, и их осталось трое».

Азарт приглушает боль. Стрелок почти дожимает спуск, но голова в противогазе внезапно пропадает, словно кто-то дергает разведчика за ноги.

«Эх, не успел! – цокает языком Николай, шаря прицелом по улице. – Старею, видно... Но ничего, время работает на меня, игра продолжается».

Сосредоточившись на поиске оставшихся в живых разведчиков, Николай не замечает, что вдалеке, под облаками, появляется серая точка...

Глава 3

Приказано умереть

– Валерка! Кныш! – кричит Сухов, пытаясь избавиться от мертвой хватки Михася. – Пусти меня! Слышишь, как он стонет? Он же подыхает там! – разведчики катаются по дну траншеи.

– Тихо ты, салабон! – шипит Миха в переговорную мембрану. – Выглянешь – и тебя рядом с ним положит! Он же специально его в живых оставил!

Хватка ослабевает. Воспользовавшись заминкой, Сергей вырывается из цепких объятий Михи и на мгновение приподнимает голову над траншеей. Только мальчишка успевает заметить, что под Кнышем уже растеклась лужа крови, как чувствует сильный рывок за ноги. Пацан скатывается вниз.

– Придурок! Тебе что, жить надоело?! – Сухов видит, как сквозь стекла противогаза на него смотрят бешеные глаза Михася. – Кныш уже труп, а ты давай, вылезай, вторым номером будешь, он только этого и ждет!

От безысходности Сергею хочется выть. Его друг умирает там, а он ничего не может с этим поделать.

Пацан замечает, как Миха зыркает по сторонам, шарит глазами по окнам домов, словно кого-то ищет, затем поворачивает голову и тихо матерится:

– Чтоб вас всех! Вот подстава так подстава, развели как пацана!

– Мих, ты чего там? – спрашивает Сухов.

– Ничего! – огрызается парень. – Так, мысли вслух. – Михась пристально смотрит на мальчишку, словно решая, что говорить дальше. – Салабон, – продолжает он, – послушай меня. Не время сейчас из себя героев строить. Играет он с нами, на живца выманивает, я бы сам так сделал. Зуб даю, хотел бы – всех нас давно бы положил. Матерый. Так что, Серый, обратной дороги у нас нет. Друзья твои, видать, в штаны наложили, толку от них никакого. Надо нам что-то придумать. Понял?

Мальчишка кивает, отчаянно пытаясь понять, к чему клонит парень. Миха продолжает:

– Задача у нас простая – выяснить точно, откуда он стреляет. Не думаю, что он с подскока пацанов положил, позиция у него хорошая. И менять он ее не станет. Разве только сам решит оттуда убраться.

– Как это? – удивляется Сухов.

– Мы его вынудим это сделать, салабон, – Миха отвешивает пацану легкий подзатыльник. – Пока еще не знаю, как, но придумаю.

Миха роется в рюкзаке, выуживает из него небольшую коробку. Открыв ее, он достает снайперский прицел.

Сухов тихо присвистывает.

– Ничего себе! Откуда?

– Оттуда, – нехотя цедит Миха, прилаживая прицел к боковой планке СКС. – Когда мародерили, с ребятами по наводке одну хату коллекционера оружия прощупали. Стволы ему теперь точно без надобности, – парень сверкает глазами. – Много чего нашли… Мне вот карабин с прицелом достался, и так, по мелочи кое-чего… – разведчик на секунду задумывается и приказывает: – Пистоль мой верни.

Сергей протягивает Михе ПМ.

– Пусть он у меня пока побудет, чтобы никто не знал. Потом отдам, хорошо?

Сухов кивает.

– Как думаешь, приятели твои хорошо бегают?

– Бегают? – переспрашивает мальчишка.

– Ну, до нас добегут, если потребуется? – Миха пристально смотрит на Сухова. Сергей пожимает плечами.

– Они мне не приятели. Только Кныш… был…

– Понятно, – Михась хлопает его по плечу. – Ничего, сейчас проверим, чего они стоят. Эй, щенки, есть кто живой? – кричит парень.

Сквозь шум ветра доносятся несколько приглушенных голосов, но слов не разобрать.

– Да не гуртом вы балабольте, говорите по очереди! – кричит Миха. – Первый!

– Это я, Макс! Я здесь, недалеко от вас, возле машины спрятался, – слышит Сухов голос Скелета. – Димка и Азат метрах в пятнадцати лежат. Костю и Витьку грохнули. А где Крыс заныкался, не знаю!

– Ты у них вместо адвоката, что ли? – кричит Михась. – Или они языки проглотили? Чего молчат-то?

– А чего им глотки драть? Обделались и лежат. Ты лучше скажи, чего мы дальше делать будем? Рентгены набирать? Фильтры у противогазов не бесконечные!

– Сечешь, боец! – одобряет Миха. – Доползти до нас сможешь? Перетереть кое-чего надо.

– Попробую, – откликается Скелет.

– Только, чур, на брюхе и в круговую, а то и тебя оприходуют!

– Понял! Я за машинами проползу.

– А мне чего делать? – сквозь завывания ветра слышится визгливый голос. – Подыхать?!

– Крыс, ты, что ли? – радуется Макс. – Живой, гаденыш.

– И тебя туда же! – парирует Крыс.

– Гони и ты сюда! – приказывает Михась, чуть приподнимая голову. – Сможешь?

– А что, варианты есть? – огрызается Крыс.

В этот момент раздается выстрел. Слыщится громкий вскрик. Затем, с интервалом в секунду, подряд хлопают еще четыре выстрела. Недалеко от канавы кто-то вопит, а две пули выбивают снежные вихри над головой Михи, заставляя его вжаться в ледовый наст.

– Есть кто живой? – кричит Сухов. – Макс, Азат? Ребята?

– Чего орешь! – шипит на него Михась. – Отработал он кого-то из них… Не удивлюсь, если с тепловизором сидит. Ведь как шмальнул в нас гад, видел? Сквозь бруствер прошла! Еще чуть-чуть, и я бы точно мозгами раскинул! Теперь чего придумать, может…

Миха не успевает договорить, как сзади него раздается тихий шорох, и из-за нагромождения труб теплотрассы с криком: «Не стреляйте, свои!» – вываливается запорошенная снегом фигура.

– Скелет! – выдыхает Сухов, узнав голос. – Напугал, зараза!

Макс быстро подползает к Михе и Сергею. Вслед за ним появляется еще один пацан. Торопливо и молча ползет по дну траншеи, уткнувшись противогазом в снег, и влетает в Миху, который, не раздумывая, бьет торопыгу кулаком в голову.

– Чтоб тебя! – добавляет Михась. – Смотри куда прешь!

Пацан переворачивается на спину. Из-под противогаза доносится громкое сопение.

– Вот и дополз…

– Крыс! – Скелет легонько пинает разведчика. – Чего разлегся?

– А тебе что за дело?! – истерично вопит мальчишка.

– Молчать! – рявкает Михась. – Если вы двое здесь, то в кого попали?

– Димона или Азата сделали, а может и обоих, – отвечает Скелет. – Точно не знаю, но кричали впереди меня.

– Понятно, – Миха бросает на Сухова быстрый взгляд. – Новичкам везет.

– Везет?! – истерично взвизгивает Крыс. – Это, по-твоему, везение? Сдохнуть не там, а здесь? Лучше колись, зачем звал?

Михась хмыкает, затем пристально смотрит на ребят и тихо говорит:

– Пробежаться не хотите?

В первую секунду Сергею кажется, что он ослышался.

– Миха, ты чего? – непонимающе хмурится Сухов. – Ты это серьезно?

– Вполне, – отвечает Михась. – Эти двое бегут в разные стороны, – палец разведчика по очереди тычет в грудь Скелета и Крыса, – ты работаешь за наблюдателя, из-за тех машин. – Парень кивает в сторону строительной техники. – Трубу я тебе дам. Смотришь в нее, откуда прилетит пуля, а я отрабатываю стрелка. Ну, как вам такой план?

Крыс и Скелет обмениваются взглядами и, как по команде, начинают медленно отползать назад.

– Куда собирались, а, черти? – в руке Михася словно сам собой появляется ПМ. – Не советую. Попадет он в вас или нет, еще неизвестно, а я вот точно не промахнусь.

Ребята замирают.

– Ну… это… пошутил и будет, – выдавливает Скелет. – Не время сейчас.

– А я и не шучу, – скалится Михась.

– Миха! – кричит Сухов. – Ты чего, серьезно, пристрелишь их?

– И тебя – если потребуется, – холодно чеканит разведчик. Сергей видит ствол пистолета, медленно, как бы нехотя, перемещающийся в его сторону.

Всплеск адреналина заставляет сердце мальчишки бешено колотиться о ребра. Из-за учащенного дыхания линзы противогаза мигом запотевают.

– Давай, салабон, – командует Миха, – бери перископ и дуй, куда я сказал. Живо!

– Да пошел ты! – неожиданно для самого себя выпаливает Сухов, чувствуя, как страх придает сил. – Сам ползи!

– Это ты, салабон, зря так сказал, нехорошо старших злить… – Миха ухмыляется. – Считаю до пяти, – с этими словами парень хватает Скелета рукой за шею, приставляет ствол ПМ к голове онемевшего от страха пацана. – На счет «пять» вышибаю ему мозги. – Один. Два.

– Стой! – выкрикивает Сергей. – Подумай, это же дохлый номер! Пока я доползу, он во мне дырок наделает!

– А ты осторожно так ползи, – ухмыляется Миха. – Аккуратно, ужиком.

– Миха! – пацан хватается за возникшую у него идею как за соломинку. – Ну, хорошо, допустим, я дополз, Крыс бежит, а дальше что? Здесь домов – куча! Вдруг он его сразу завалит? И что мне – самому голову подставлять? И как я, дохлый, тебе скажу, где снайпер?

Миха задумывается. Сквозь линзы противогаза видны злые глаза. Пацаны понимают: от того, что сейчас придет Миха в голову, зависит их жизнь.

– Уговорил, – парень отпускает Скелета. – А ты сечешь, салабон, – Михась смотрит на рюкзак. – Надо еще подумать… Но если не придумаю, они побегут.

– Я никуда не побегу! – огрызается Крыс.

– А тебя никто и не спросит! – дергает плечом Миха. – Надо будет, побежишь так, что только пятки засверкают!

Не дожидаясь ответа, Михась усмехается:

– О, придумал! Забег отменяется, можете выдохнуть. – Парень смотрит на Сухова. – Знаешь, как во время Второй мировой войны снайперов выманивали?

– Неа…

– На обманку. Каску выставляли… Надо и нам что-то такое придумать.

– Вы еще снеговика слепите, – бурчит Крыс. – Как раз вовремя!

– Заткнись, придурок! – шипит на него Михась. – Другого способа нет. Так, – с этими словами, порывшись в рюкзаке, он вытаскивает из него потертый противогаз. – Вот и пригодится, а так выбросить хотел, пропускает. Сейчас тряпок в него напихаем, чем не болванчик, а? Где прятаться, ты знаешь, – Михась хлопает Сухова по плечу, – ведь так, доброволец? Как из канавы этой вылезешь, главное – не отсвечивай, и голову не подставляй. Я стрельну из кара-

бина пару раз, отвлеку его. Как второй выстрел услышишь, снимаешься с пробуксовкой, но аккуратно, дуешь к грузовикам, они недалеко, понял?

– А что это я поползу, а вы отсиживаться будете?! – упирается опомнившийся Сергей.

– А то! – вскидывается Миха. – От этих двух ублюдков навара никакого, а ты сдюжишь, главное, раньше времени в штаны не наложи. На, держи, – Миха протягивает Сергею трубу разведчика. – Дополз до машины, ныкаешься, сидишь, «тээрку» выставил, незаметно так, а сам в монокуляр смотришь и поворачиваешь ее легонько. Ориентир, думаю, – та высотка, – Михась кивает в сторону мрачной громады элитной многоэтажки, высящейся метрах в пятистах от траншеи. – Я бы, на его месте, там спрятался… и вектор для стрельбы подходящий. Короче, как рванешь отсюда, у тебя на все про все пятнадцать минут. Потом стреляю в третий раз, это означает приготовиться. Я выставляю приманку, а ты смотришь в оба! Если дело выгорит, тихо ползешь сюда, докладываешь, откуда палили, понял? – Миха мрачно смотрит на Сухова.

– А если я не поползу, что тогда? – ерепенится мальчишка. – Пристрелишь меня, да? Или их? – Сергей кивает на Скелета, затем на Крыса.

Миха глубоко вдыхает и отвечает:

– Карабин видишь? – парень направляет дуло СКС на Сухова. – Бери его! Стрелять умеешь? А попадать куда надо?

Сергей отшатывается и мотает головой.

– Что так? – деланно удивляется Михась. – Неужто не обучен? А теперь подумай, как мы отсюда выбираться будем, если ты только на словах герой?

Сухов тяжело дышит, открывает рот и хочет что-то сказать, но в итоге не решается.

– А теперь, салабон, послушай меня! – Миха подползает к Сергею. – Надо его перехитрить. Из всех вас стрелять могу только я. Ресурс противогазов на исходе, фильтров запасных нет. Расклад у нас такой. Останемся здесь – сдохнем. Побежим сломя голову – сдохнем. Он по нам как в тире отработает. Кумекаешь? Мы уже покойники, только с небольшой отсрочкой. Значит, надо действовать. Задача ясна?

Сухов медленно кивает. Миха хлопает пацана по плечу.

– Сделаешь все как надо, я тебя тогда из «духов» в «черпаки» переведу, как тебе такая перспектива? – Михась смеется, явно довольный своей шуткой. – Если нам повезет, то я его сделаю.

– А если не повезет? – неожиданно спрашивает Скелет.

– Значит, он сделает нас, – спокойно отвечает Миха, глядя на мальчишку. – Сухов, готов?

– Готов, – тихо отвечает пацан, чувствуя мелкую и противную дрожь по всему телу.

– Это от адреналина тебя колбасит, – словно читая мысли, неожиданно говорит Миха. – У всех так. Это от страха, но это хорошо, значит, с головой дружишь. Хуже, если бояться не будешь, такие на войне долго не живут. – Миха поднимает вверх ствол СКС. – Обожди-ка чуток! – парень внимательно смотрит за облаками. – Видишь… вон те тучи. – Пацаны, повернув головы, замечают, что на них надвигаются свинцовые облака. – Как ближе подплывут, так и шпаришь вперед! Хоть какая-то тебе маскировка. Усек?

– Понял, – выдыхает Сухов, чувствуя, что страх сменяется азартом: «Смогу? Не смогу?».

– Теперь вы, – Миха смотрит на Крыса и Скелета, – помогаторы хреновы. Пока я буду в кукловода играть, вы подползаете к брустверу, ложитесь рядом со мной и слушаете, откуда выстрел раздастся. Считаете, сколько раз стрелять будут. Одним словом, за слухачей работаете, справитесь?

– Да пошел ты! – цедит сквозь зубы Крыс. – Тоже мне, командир выискался!

– Хороший настрой, боец, – оскаливается Михась. – Правильный, а главное – вовремя. Своя шкура ближе, так ведь? – в голосе парня слышен гнев. – Только если Сухову не повезет, ты у меня вторым номером поползешь!

– Это еще почему? – вскидывается Крыс.

— А потому, что выхода другого у вас нет. Глядите сюда, — Михась достает из кармана едва слышно стрекочущий дозиметр и поворачивает его так, чтобы ребята увидели табло. — Смотрите, как циферки бегут, это смерть наша счет свой ведет, рентгены тикают. Даже если всем разом дернуть в разные стороны, и кто-то выживет, вам без меня до Убежища не добраться. Собаки порвут или на «локалку» нарветесь. Дозиметр только один, и карабин один, и отдавать их вам у меня желания нет.

— А если выждать? — робко спрашивает Крыс. — Может, за нами помошь пришлют? Ведь там знают, куда мы пошли.

— Ага, точно, именно тебя хватятся в Убежище, — зло фыркает Михась. — И помошь пришлют, и Батя в первых рядах побежит. Сдали нас, в расход уже списали. Приказано умереть — слышали такое? Вернемся — хорошо, а не вернемся — еще лучше, плакать никто не станет, все ртов меньше. Не знаю, как вы, а я помирать не собираюсь. Так что ускоряемся, ночь на носу.

В этот момент Сергей замечает, что вокруг быстро темнеет.

— Миха! — окликает Сухов и машет рукой в сторону нависших над домами черных туч.

— Ага! — Михась присвистывает. Откатившись в сторону, он, присев на одно колено, два раза стреляет в воздух. — Давай, Серый! — шепотом кричит Миха. — Везенье на нашей стороне! Шпарь что есть духу!

Сухов кивает, берет перископ и, мысленно простившись с жизнью, ползет. Быстро переваливает через трубы теплотрассы, держась бетонных блоков, заползает на кромку траншеи. Делает пару глубоких вдохов, ждет, словно готовясь к прыжку в пропасть. Мальчишка понимает, что от того, как он проползет следующие несколько десятков метров, зависит его жизнь. Время, отпущенное Михасем, истекает. Руки и ноги у пацана предательски обмякают, сердце глухо стучит в груди. Разум, опережая события, рисует образ один страшнее другого. Кажется, вот он — выстрел, и пуля разваливает череп. Сергею хочется отказаться, отползти назад, туда, в глубь траншеи, в относительную безопасность, и будь что будет, лишь бы избавиться от этого щемящего чувства, сковывающего волю — страха.

Вдох — выдох. Вдох — выдох.

«Была не была, — думает Сухов, — надо двигаться вперед, надо».

Пацан рывком, буквально заставив себя бросить тело вперед, выползает из траншеи и, уткнувшись противогазной харей в снег, точно он может спрятать его, отчаянно работает локтями и коленями. Неожиданно быстро для себя он оказывается возле запорошенного снегом остова грузовика. Сухов прячется за кузовом, переводит дух, чуть приподнимает перископную трубу. Его пальцы дрожат, не слушаются. Изображение в монокуляре пляшет.

«Тяжелая зараза, неудобно», — досадует Сергей. «Зато мозгами не раскинешь», — ехидно вставляет внутренний голос.

Сухов давно заметил, что в последнее время он часто разговаривает сам с собой. Словно в нем сидят два человека, один — холодный циник, старающийся выжить любой ценой, другой — идеалист, упорно цепляющийся за обломки той, прошлой жизни, и пытающийся оставаться человеком в этом оскотинившемся мире. Но именно циник не дал ему подохнуть раньше времени, позволив сохранить разум, вытаскивая за шкирку из самых безнадежных передряг.

Проходит минута, другая, третья. Сухов ощущает себя часовым механизмом с медленно раскручивающейся пружиной. Холод, голод и даже страх уходят на второй план, уступая место азарту. Пацан перестает различать завывания ветра, сконцентрировав все внимание на одном этаже, на самой дальней многоэтажке.

После того как Сергей, наверное, уже в десятый раз осмотрел этаж за этажом, в его голове словно щелкнуло, и неведомый голос сказал: «Здесь!» И теперь он до рези в глазах наблюдает за одной точкой на двенадцатом этаже.

Окно как окно, ничем не примечательное. Зазубренные края разбитого стеклопакета, перекошенная пластиковая рама... Но что-то в нем явно не так. На фоне остальных — таких же

пустых и мертвых глазниц высоток – оно показалось Сухову наполненным жизнью, и не просто жизнью – злобой. Оттуда словно лился черный поток ненависти, а так ненавидеть может лишь человек.

«Оно, не оно?» – думает мальчишка, медленно крутя перископную трубу.

Со стороны траншеи слышится выстрел.

«Ага, Миха сейчас обманку выставит. Надо приготовиться».

Сергей приникает к монокуляру и начинает считать.

«Один, два, три...» – пацан вздрагивает, видя, как в глубине окна вспыхивает, а затем слышится звук выстрела, в ту же секунду со стороны траншеи раздается тихий вскрик.

«Что за?.. – Сергей резко поворачивает голову. – В кого это он попал? Надо возвращаться».

Легко сказать «возвращаться», когда ты знаешь, что в любой момент тебя могут подстrelить. Сергей колеблется. Думает, как лучше ползти, чтобы не оказаться на линии огня. Видит трубы, занесенные снегом, которые раньше не заметил, и, решив спрятаться за ними, медленно выползает из укрытия.

«Только бы успеть, – думает пацан, огибая грузовик по дуге. – Только бы повезло!»

В этот момент снова раздается выстрел. Пуля свистит над головой мальчишки и ricoшетит от кузова рядом стоящей машины. На Сухова накатывает панический страх. Ему хочется встать и побежать, куда угодно, лишь бы подальше от этого места, где повсюду таится смерть. Страх может убить, а может и спасти жизнь, не дав сделать необдуманный шаг. Сергей пересиливает себя и, закусив губу, начинает ползти так быстро, как только может.

Его легкие буквально разрываются на части. В голове бьется лишь одна мысль: «Быстрее, быстрее, еще быстрее!»

Глаза Сергея застилает серая пелена. Из груди вырывается хриплое дыхание. Мальчишка ползет зигзагами, стараясь оставаться под прикрытием машин и труб.

Сухов уже видит край траншеи, как слышится третий выстрел, и его голень обжигает огнем. Сергей орет что есть мочи. Ему хочется вжаться в землю, застыть, превратиться в невидимку, но он понимает, что это всего лишь секундная заминка, и следующая пуля прилетит ему в голову. Боль придает сил. Пацан делает финишный рывок, переваливает через край траншеи и падает на трубы теплотрассы, со всего маху ударившись коленями. Стискивает зубы и ползет вперед. Перед его глазами плывет серое марево, пот разъедает глаза. Внезапно Сергей слышит, что откуда-то издалека раздается Михин голос:

– Сухов! Стоять! Ты на месте! Куда он тебя?! А, вижу! Сейчас!

Пацан не может отдохнуться. Он хочет сорвать противогаз и вдохнуть полной грудью морозный воздух. Черт с ним, что он отправлен! Дышать! Дышать! Руки Сухова сами собой тянутся к маске, но внезапно взгляд падает на тело, неподвижно лежащее на дне траншеи. Мысли в голове мальчишки путаются. Сергей поворачивает голову, смотрит на Михася, затем переводит взгляд на Скелета и растерянно говорит:

– Что с Крысом? Убит?

– Потом! – отмахивается Миха.

На секунду задумавшись, парень расстегивает карман разгрузки, достает из него шприц-тюбик и, не дав мальчишке опомниться, вкалывает в его ногу иглу. Вместе с промедолом по телу Сухова разносится приятная истома, боль уходит. Миха достает нож, режет заляпанную кровью штанину.

– А ты фартовый пацан! Жить будешь, – Миха деловито осматривает обильно кровоточащую рану. – Навылет прошла, ерунда. Ты пока зажми ее рукой. Да нет, вот так! Крепче прижимай! – Михась берет мальчишку за руку и показывает так, что Сергей скрежещет зубами. – Держи, а я перетяну ногу чуть выше раны! – Миха достает резиновый жгут. – Эй, кролик, – бросает он застывшему Максу, – есть чем бойца перевязать?

Скелет отчаянно мотает головой, отчего противогазный шланг нелепо болтается из стороны в сторону, и Сухова почему-то начинает пробирать на смех.

Внезапно Макс выкрикивает:

– Это он его под выстрел подставил! Тварь!

И пока до Сергея доходит смысл его слов, Михась, резко повернувшись, смотрит на Скелета.

– Заткнись, сопляк! Надо будет, и тебя к делу пристрою.

Затем, порывшись в рюкзаке, он достает небольшой сверток, замотанный в целлофановый пакет.

– Ты уж извиняй – это не «ИПП-1», но для нашего дела сойдет, – с этими словами Михась взрезает пакет ножом и, вытряхнув на перчатку видавший виды серый бинт, сноровисто перевязывает ногу Сухову.

Сергей смотрит на безжизненное тело Крыса. Переводит взгляд на Михася. Чувствует, как к горлу подступает ком. Злость вырывается наружу.

– Ах ты, сука! – кричит Сухов, пытаясь ударить Михася, промахивается, и тут же получает удар в живот. Дыхание перехватывает, мальчишка сгибается пополам.

– Было бы кого жалеть! – рявкает Михась.

– Ты Крыса… вместо обманки… под выстрел подставил! – Сухов с трудом ворочает языком.

Сквозь стекла противогаза на пацана в упор смотрят ледяные глаза Михася.

– Точно. Толку от него чуть, а так хоть пригодился. Я так подумал, этот спец на обманку не клюнул бы, только на живца. Жаль только, что противогаз испортили. Ну да ладно. Он аккурат ему в глаз засадил, пуля навылет прошла. Не боись, не мучился твой кореш, – Миха усмехается.

– А следующий кто? Может, меня в расход пустишь, или Макса? – взрываются Сухов. – Не хочешь сам мозгами раскинуть?

– Да иди ты! – огрызается Михась. – Больно жалостливый попался! Лучше скажи, ты видел, откуда стреляли?

– Видел, – нехотя отвечает Сергей. – Элитная высотка. Не та, про которую ты говорил, а дальняя. Двенадцатый этаж, пятое окно слева.

– Черт, далековато… Отсюда не достать. Но все равно, паникер сдох не зря, – Михась, надорвав бинт, ловко завязывает узел. – До свадьбы заживет, а штанину замотай скотчем. – Парень довольно усмехается: – Теперь наш черед его кошмарить. А ты, боец, терпи, в Убежище вернемся, тебя на ноги живо поставят. В больничке все лучше, чем в блоке лежать, может, еще и тушняком накормят.

– Откуда знаешь? – с интересом спрашивает мальчишка, осторожно шевеля пальцами на ноге.

– Было дело, и меня подстрелили, так, несерьезно, – поясняет Михась. – Прямо в первой вылазке. Какой-то мародер залетный пальнул из охотничьего ружья, когда мы квартиры проверяли, – при слове «проверяли» Миха хмыкает. – Так вот, одного из группы он вальнул, а меня дробью посекло. Огнестрела толкового, пока мы полицейские участки как следует не прошерстили – раз, два и обчелся. Я тогда, несколько месяцев назад, начинал, прямо как вы сейчас, с режиком. Ну вот, пока он двустволку перезаряжал, мы его и почикали. С ножом в брюхе особо не повоюешь! Ну ладно, кролики, знаете, чего дальше делать будем? – Михась как бы невзначай кладет палец на спусковой крючок СКС.

– Ничего! – с вызовом заявляет Скелет. – Что там пулю словить, что ты здесь пристрелишь, разницы никакой.

– Разница есть! – поправляет Миха. – Сдохнуть – или попытаться выжить!

– Как? Добежать до высотки, подняться на двенадцатый этаж, вежливо постучаться в квартиру: типа здрасьте, мы вас убивать пришли, так что ли? Ты же сказал, что из карабина его отсюда не достанешь.

– Отсюда не достану, – кивает Михась, – но если он поближе подойдет, то шансы повышаются.

– Придет сюда? – удивляется Сухов. – С чего это вдруг? Ему и там хорошо. Лежи себе, цели отщелкивай.

– Придет, – уверенно отвечает Михась, – этот точно придет.

– Почему? – спрашивает Скелет.

– Охотничий азарт! – ухмыляется Миха. – Верь мне, знаю я таких, в армейке повидал. Он захочет убедиться, что всех положил, тут мы его и накроем.

– Это как же? – интересуется Сергей, растирая онемевшую ногу.

– Он хитер, а мы быстрее, – Михась смотрит на пацана. – План такой. Ты, Серый, остался здесь, а я и Скелет отползаем вон к тому дому, – Миха показывает в сторону ближайшей многоэтажки. – Прячемся там, ждем. Ты, Сухов, прежде чем мы дернем туда, подползаешь к краю траншеи, берешь Крыса за ноги, легонько так приподнимаешь над краем траншеи, имитируешь бурную деятельность, типа кто-то ползет. Наш клиент стреляет, попадает в Крыса еще раз, ты громко кричишь, дергаешь тело вниз – типа скатился, и время от времени стонешь. Ход мыслей улавливаешь? – Михась смотрит мальчишке в глаза.

Сухов ухмыляется.

– Теперь ты его решил на живца поймать? То есть на меня?

– Шаришь, боец, – Михась поглаживает приклад карабина. – А ты, салага, все понял? – обращается он к Максу.

– Стремный план, – хмурится Скелет. – При любом раскладе кто-то из нас покойник. Если он увидит, как мы вдвоем дернем к зданию, то поймет, что дело нечисто. В спину стрельнет – и все, приплыли. А потом с фланга обойдет и Сухова завалит.

– Есть идеи получше? – Михась клацает затвором СКС. – Может, мне с ним снайперскую дуэль устроить, а? Его восемьсот метров против моих трехсот…

– Миха! – прерывает монолог парня Сергей. – Глянь сюда! – мальчишка лихорадочно разгребает снег в том месте, где сидит.

– Чего там? Клад нашел?

– Сам посмотри.

Сухов откатывается в сторону.

Михась подползает и принимается отбрасывать снег, перемешанный с землей.

– Опа! – говорит он. – Скелет, помогай!

Макс тоже подползает к Михе, и вскоре они откапывают металлический люк.

– Сдвигаем его! – ребята напрягаются, пальцы скользят по крышке, Михась чертыкается. Изловчившись, он засовывает в образовавшуюся щель лезвие ножа. – Подымай! – примерзшая к люку крышка нехотя, сантиметр за сантиметром отходит в сторону. Миха оттаскивает ее к стенке траншеи.

– Босяцкий подгон, как раз вовремя! – восхищается Михась, глядя в черный зев колодца. – Как думаешь, – обращается он к Сухову, – куда он может нас вывести?

– Черт его знает… Скорее всего, это обычный технический коллектор для осмотра старых коммуникаций.

– И это сгодится. Скелет! – Миха хлопает по спине Макса. – Ты, как самый дохлый из нас, ныряешь туда, смотришь, что и как, потом докладываешь. На все про все у тебя три минуты. Задание понятно?

– С чего это мне туда лезть? Тебе надо, ты и делай! – вскидывается Макс.

— А вот с чего, — Миха достает пистолет и приставляет дуло к голове мальчишки. — Я сказал, ныряй! Живо!

Скелет нехотя подчиняется и начинает спускаться в колодец.

— Ты хоть зажигалку мне дай, посветить, там не видно ни черта, — просит Макс.

— На, держи, — Михась протягивает Скелету светодиодный фонарь. — Не потеряй только!

— Не потеряю! — Макс щелкает выключателем. Траншею заливает тусклый свет.

— Демаскирует, выбери его! — орет на Скелета Михась.

Макс прикрывает рукой светоотражатель и, не дожидаясь следующего окрика, соскальзывает в колодец. Слышится хруст, вскрик и шум падения, затем из глубины доносится чертыханье.

— Ты как, живой? Руки-ноги целы? — спрашивает Миха.

— Да живой! — глухо отзыается Скелет. — Скобы обломились!

Видно, как в глубине несколько раз мелькает призрачный луч света. Словно светлячок, он то пропадает, то вновь появляется и внезапно исчезает.

— Или аккумуляторы сдохли, или за поворот заполз, — шепчет Михась склонившемуся над колодцем Сухову.

— Поворот? — удивляется Сергей. — Какие еще повороты, мы на центральной улице!

— Черт, точно! — Михась хлопает себя по маске противогаза. — Куда он тогда делся, а?

— Ждем, — отвечает мальчишка. — Скелет в любую дырку пролезет, в нем едва сорок пять кило наберется.

— Ну-ну, как скажешь, Серый, — Михась демонстративно крутит пистолетом. — Если вздумает нас кинуть, я его мигом образумлю.

— Как Крыса? — шипит мальчишка.

— А ты типа жалеешь его? — Михась шумно выдыхает в переговорную мембрану. — Себя пожалей!

Сухову хочется сплюнуть, но, вспомнив, что на нем противогаз, он отказывается от этой затеи.

— Смотри! — Сергей кивает в глубь колодца. — Свет!

— Возвращается! — Михась подается вперед. — Ну, давай скорей! Чего расскажешь?

Вскоре доносится громкое сопение, в глубине колодца показывается перемазанная грязью противогазная харя.

— Хватайся, мы тебя вытянем! — кричит Сергей, протягивая руку Максу.

Скелет подпрыгивает, ловит ладонь, и Сухов с Михасем вытягивают его из колодца.

— Ну, чего там? — нетерпеливо спрашивает Миха. — Выход есть?

— Нет, — Макс качает головой. — Тупик. Но можно заныкаться и переждать.

— Переждать? — удивляется Михась. — Ради чего? Чтобы он нас там как крыс передавил?!

Гранату кинь — и все, амба! Черт, только время потеряли, — Миха задирает голову, смотрит на приближающиеся черные облака. — Так, солдатушки, вы как хотите, а я дождусь темени и рвану. Главное — вон до того дома добежать, — Миха показывает в сторону ближайшего здания, — там он уже не достанет. Надеюсь, что не с ночным прицелом сидит.

Едва до Сергея доходит смысл слов Михи, как у него перехватывает дыхание.

— Бросить меня решил? — мальчишка задыхается от ярости. — Да? Так кто из нас крыса тогда?!

— А ты на «слабо» меня не бери! — шипит Михась. — Зубы обломаешь! Ты что, думаешь, я тебя как в кино сейчас на спину взвалю и потащу на себе? Ты со своей ногой еле ковылять сможешь. Тут-то нас он и прищучит. Или ты его потащишь, а? — обращается Михась к Скелету.

Макс пыхтит, мычит, исподлобья смотрит на Сухова, затем отворачивается.

— Нет...

— Не слышу! — кричит на пацана Миха. — Громче говори, так, чтобы до Сухова дошло!

– Не потащу! – истерично взвизгивает Скелет.

– Слышал, Серый? Не потащит он тебя! Хороший урок, да? – Михась ухмыляется. – Но ты не переживай, если дело выгорит, мы за тобой вернемся. Ты, – палец Михи упирается в грудь Скелета, – бежишь первым, я за тобой, а там как повезет.

– Хорошо, – Макс кивает, – как скажешь. – Мальчишка косится на Сухова, и тут же отводит взгляд, не в силах выдержать отчаянную мольбу в глазах Сергея.

– Обождите! – неожиданно восклицает Сухов, цепляясь за внезапно пришедшую в голову идею как за соломинку. – А если так – вы лезете в колодец, а я остаюсь здесь и буду изображать раненого.

– И?.. – спрашивает Михась. – Это ты со страху придумал? Допустим, он пришел, решил проверить, всех ли положил, дальше чего?

– Действуем по тому плану, что ты предложил, – отвечает Сухов. – Только я лягу на люк, чуть придвинем крышку и забросаем ее снегом. Колодец сразу не разглядишь, если нам повезет, он меня перевернет, откроется, и у тебя будет пара секунд, чтобы выстрелить в него. Как тебе такой план, а?

– Дохлый номер, салабон, – отмахивается Миха. – Он может не спуститься или сделать контрольный выстрел. Ты раскинешь мозгами, и на этом все кончится, сначала для тебя, а потом и для нас.

– Тогда давай, беги, а я посмотрю, что из этого получится! – взрываются Сергей. – Зуб даю, сделает он вас! Зато мне по приколу, подыхать не так стремно будет, зная, что вы оба сдохли!

Михась тяжело дышит, его пальцы сжимаются в кулаки. Кажется, еще секунда – и он ударит пацана.

Пауза затягивается.

– А ты умеешь уговаривать, салабон, – наконец щедрит сквозь зубы парень. – Рискнем. – Миха переводит взгляд на Скелета:

– Ну что, «дух», сыграем в мертвецов?

Макс смотрит на Миху, затем переводит взгляд на Сухова.

– Да вы оба сбрендили! – говорит он. – Так мы точно втроем подохнем, без вариантов.

– Не вопрос, – произносит Михась, – тебя здесь никто не держит, беги!

– Ага! – отвечает Скелет. – Нашел дурака, далеко я один уйду? Сыграем, черт с вами, все лучше, чем кроликов изображать!

Сухов смотрит на Макса.

– Не того мы Крысом назвали, – тихо говорит он.

– Тоже мне, герой нашелся, – шипит в ответ Макс. – И без тебя тошно.

– Наговорились? – перебивает Миха. – Тогда делаем так, – Михась заглядывает в колодец, скидывает туда ком снега. Затем поднимает голову, смотрит на пацанов. – Ты, – указательный палец вытягивается в сторону Скелета, – лезешь первый, я за тобой. Встану тебе на плечи. Удержишь?

Макс кивает и, точно спохватившись, спрашивает:

– А зачем?

– Затем! – взрываются Михась. – Глубоко там, а скобы обломаны! Если я буду стоять внизу, то могу прозевать момент выстрела. Понял? Теперь ты, Серый! – Миха смотрит на мальчишку. – Как только мы ныкаемся в колодце, быстро лезешь на край ямы и, как условились, подставляешь под выстрел трупак. После выстрела скатываешься вниз, прямо на колодец и громко стонешь, типа раненый, понятно?

– Понятно, – отвечает Сухов. – Только есть один затык.

– Чего? – переспрашивает Миха. – Что еще за затык?

– Как мне лежать? На спине? На животе? Руки куда деть, чтобы натурально выглядело?

– Сечешь, боец! Это я недодумал, – Михась смотрит на тело Крыса. – Поставим себя на место стрелка. Нужно, чтобы он тебя перевернул, значит, ты лежишь на животе. Одну руку поджал, в ней пистолет, я тебе его дам, вторую вытянул. Ствол СКС я прямо в тебя упру. Как только он перевернет тебя, я стреляю, а ты работай на добивание. Ранен он или убит, неважно, просто всади в него еще несколько пуль. Справишься?

– А стрелять покажешь как? – спрашивает Сухов. – Я не умею.

– Чтоб тебя! Хоть что-то ты умеешь? Или только языком чесать?

– Покажи, я сумею, – хмуро отвечает Сергей. – Языком пока ты больше треплешь.

Пропустив дерзость мимо ушей, Миха достает ПМ и говорит:

– Смотри. Я снимаю пистолет с предохранителя, – Михась опускает флагок вниз. – Видишь красный кружок вверху?

– Вижу.

– Теперь я досылаю патрон в патронник, – Михась передергивает затвор. Слышится щелчок. – Все, патрон в стволе, можно стрелять. Понятно?

– В принципе, да, – кивает Сергей. – А на предохранитель как обратно ставить?

– Просто, – говорит Миха, – поднимаешь большим пальцем флагок вверх – все, стрелять нельзя. Но ты лежи со снятым предохранителем, иначе выстрелить не успеешь. На, бери, восемь патронов, восемь выстрелов, – парень протягивает пистолет Сухову. Неожиданно Михась задумывается, внимательно смотрит в глаза мальчишке. – Вздумаешь выкаблучиваться – завалю. И пикнуть не успеешь, понял?

– Понял, – тихо отвечает Сухов. Мальчишка осторожно берет ПМ, ощущая приятную тяжесть в руке.

– Ну, как? – спрашивает Миха. – Чувствуешь превосходство?

– Есть такое, – усмехается Сергей.

– Крючок не дергать, нажимаешь плавно, – продолжает инструктаж Михась. – Стрелять придется навскидку, прицеливаться ты не успеешь. Так что просто повернули – стреляй, понятно?

– Угу, – кивает Сергей.

– Да, и еще… – Миха внимательно смотрит в глаза пацана. – В человека-то выстрелить сможешь?

– Н-не знаю…

– А в меня?

Мальчишка теряется, мнется, и Михась горько усмехается:

– Это только в кино все герои, а в жизни или на войне со страху и обделаться можно. Но это только в первый раз, потом привыкаешь, верь мне.

Миха глубоко вдыхает, хлопает мальчишку по плечу и говорит:

– Все просто: или ты, или он. Думай так. Замешкаешься – ты труп, помни об этом.

Сухов кивает. Руки мальчишки заметно трясутся. Вихрь мыслей носится в его голове, как стая потревоженного воронья.

«Придет снайпер или не придет? Что, если он выстрелит с расстояния, не станет подходить ко мне? А если не будет переворачивать и просто даст контрольный в голову?»

Страх заставляет мальчишку думать. Одна идея отбрасывается за другой.

«Михе, конечно, по фиг на меня, свою шкуру спасает. И дернуть отсюда нельзя, и завалить его нельзя. Остается только надеяться на везение…».

Взгляд Сухова падает на труп Крыса, и внезапно его осеняет. Ни слова не говоря, мальчишка бросается к мертвому и начинает сдирать с него залапанный кровью противогаз.

– Ты чего удумал?! – шипит Миха. – Зачем?

– А ты сам подумай! Я надену противогаз с выбитой линзой. Еще раз стрелять в бойца с дыркой вместо глаза снайпер не станет. Я буду изображать труп, а Крыс, с моим целым противогазом, типа раненый. Ты его иногда стволов карабина снизу тыкай, вроде как он шевелится.

– Что, от страха совсем мозги разъело?! – взрывается Миха. – Ты сдохнешь! Герметичность у противогаза нарушена, здесь фон, наглотаешься пыли – и все, лучевуха!

– Зато он меня точно сразу не пристрелит, смотри! – Сергей протягивает Михе снятый с Крыса противогаз. – Входное и выходное отверстие. Дырка за ухом и крови на резине сколько! Я лягу метрах в трех от люка, вон там, – Сухов машет рукой в сторону труб теплоцентрали. – Как раз в вашу сторону буду смотреть. Если он пройдет, то окажется спиной ко мне.

– Ты чокнутый, – Миха устало качает головой.

– Точно! – вворачивает до сих пор молчавший Скелет. – Это вообще дурацкая идея! Что бы мы не сделали, мы уже покойники.

– Дохляк – это ты! – бросает Сергей. – Лучше помогите мне одеть его!

– Обожди. – Миха роется в рюкзаке, затем подползает к пацану и разжимает кулак.

Сухов видит на перчатке куцый моток изоленты.

– Я тебе линзу изнутри залеплю, все меньше пыли пройдет. А в темноте сразу не разглядишь, что там за выбитым стеклом.

– Угу, – Сергей протягивает противогаз.

Миха ловко залепляет линзу и возвращает противогаз мальчишке:

– Какое-то время продержится. Если дело выгорит, буду звать тебя Циклопом.

– Посмотрим, – бурчит Сухов.

– Так, антракт закончен, – Миха серьезнеет. – Действовать надо быстро. Сдергиваешь противогаз, а я на тебя напяливаю этот. Готов?

Сергей кивает.

– Тогда делаешь глубокий вдох, не дышишь и зажмуриваешься. Ну, – Михась глубоко вздыхает, – поехали!

Сергей набирает полные легкие воздуха и закрывает глаза. В следующую секунду он чувствует, как с него рывком стаскивают противогаз. Лицо щиплет мороз. Хочется вдохнуть полной грудью, но Сухов убивает в себе это желание, стараясь как можно сильнее сомкнуть веки. Мальчишка чувствует, как подбородка касается резиновый край маски. Ему кажется, что резина все еще хранит тепло последнего вздоха Крыса, а затем – что вместо холодной маски противогаза на него натягивают лицо мертвеца. Сергей инстинктивно пытается убрать голову, но Михась, зажав его затылок руками, натягивает «слоника» и кричит:

– Готово!

Сухов открывает глаза и слатывает.

– Что, типа брезгливым стал? – ухмыляется Миха. – Не время сейчас морду воротить. Стараися дышать часто, но не глубоко. Как вернемся в Убежище, дам тебе «бэху», не скопытишься.

– «Бэху»? – переспрашивает Сергей.

– Радиопротектор «Б-190», – гордо отвечает Михась. – У меня в загашнике пара упаковок осталась. Без этих колес я бы уже давно скопытился.

– Да враки все это! – вворачивает Скелет. – От лучевухи все равно подохнешь, что с ними, что без них.

– Тебе-то откуда знать, дохляк? – угрожающе гудит Михась.

– Слышал! – не унимается Макс.

– И только? – удивляется Миха. – А я принимал, и только поэтому до сих пор не сдох. А теперь заткнись и не отсвечивай! Так, – Миха кивает Сухову, – погнали! Мы лезем, ты осталесь здесь. Скелет, пошел.

Миха подталкивает Макса к колодцу.

– Быстрее!

Скелет спускается в колодец. Вслед за ним лезет Михась. Из колодца доносится шум возни, слышатся чертыханья, но вскоре воцаряется тишина.

– Мы готовы!

Сухов, стараясь унять дрожь в руках, обхватывает Крыса за пояс. Подивившись тяжести трупа и поднатужившись, он приподнимает его над бруствером. Тотчас грохает выстрел.

Рывок. От неожиданности пацан разжимает руки. Крыс катится на дно траншеи, а Сухов, спохватившись, громко орет. Затем он хватает Крыса за ноги и, продолжая стонать, подтаскивает труп к колодцу. Заглядывает вниз. На него смотрит противогазная харя.

– Ну, чего? – шепотом спрашивает Михась.

– Попал! – отвечает Сергей. – С первого выстрела.

– А куда? – шипит Миха. – Опять в голову??!

Из-за этого вопроса мальчишку бросает в жар, а сердце гулко ударяет в ребра.

«Черт! Хорош раненый с дыркой в голове!»

Сухов присматривается, видит у Крыса пулевое отверстие справа от ключицы и облегченно выдыхает:

– В плечо попал.

Миха кивает.

– По грани мы прошли, дети подземелья. Сваливай его на колодец и будь начеку, кто знает, сколько лежать придется. Выдюжишь?

– А куда я денусь, – Сухов ухмыляется. – Холодно только очень.

– Терпи, – подбадривает его Михась, – я тут вообще на Скелете топчусь, вроде держит меня.

– Принимай! – командует мальчишка, закрывая трупом колодец. Михась упирает ствол СКС в туловище Крыса.

– Держу!

– Пошевели его.

Сергей видит, как тело чуть приподнимается, отчего создается впечатление, что Крыс все еще дышит.

– Нормально! – одобряет он. – Я бы купился.

– Он – не ты, – замечает Михась. – Ныкайся и молись.

Сухов отползает, прислоняется спиной к стенке траншеи. Раскидывает ноги, склоняет голову набок. Сверху падает снег. Пацана засыпает. Маскировка что надо. Стараясь унять дрожь – то ли от страха, то ли от холода, – Сергей засовывает руку с оружием под трубу теплоцентрали. Достаточно чуть сдвинуть запястье, и открывается широкое поле для стрельбы. Боль в ноге начинает разгораться с новой силой. Мальчишка думает, что это хорошо. Боль не даст заснуть. Сухов ждет. Так или иначе, сегодня решится, кому жить, а кому умирать...

Глава 4

Ликвидатор

Он «увидел» их еще на подлете к городу. Тепловизор, установленный в головной части боевого беспилотного дирижабля, засек отряд из десяти человек и стрелка, прячущегося в высотке. Можно сказать, им просто не повезло. Потенциальных целей было больше: еще три человека шли вслед за отрядом, держась от него на приличном расстоянии. Но программа распознавания выбрала именно их – вооруженных и лучше всего подходящих под описание диверсионной группы.

Несколько секунд электронный мозг анализировал сообщения, поступающие с множества датчиков: скорость ветра, дальность до целей, радиационный фон. Обработав данные, программа отдала приказ на уничтожение. Тихо заурчали четыре маршевых электродвигателя, и тридцатиметровый «охотник», переложив рули высоты, пошел на снижение.

Вооруженный ракетами и крупнокалиберным пулеметом, он стал одним из первых в экспериментальной серии полностью автономных БПЛА. Многосекционный корпус, наполненный гелием, солнечные батареи, работающие в паре с водородными топливными элементами, спутниковая система позиционирования – все это позволяло ему барражировать на шестикилометровой высоте в течение нескольких лет.

Лишенный эмоций, сомнений, жалости, он идеально подходил на роль убийцы в новом мире. Но жизнь зло поджидала над его создателями. Система распознавания «свой-чужой» дала сбой вскоре после Удара. Видимо, не выдержала система защиты, и боевая платформа перешла в режим свободной охоты, летая и ликвидируя всех, кто, по мнению ее электронного мозга, хоть как-то подходил под описание врага.

Когда, спустя пару недель после Удара, врагов, по мнению машины, не осталось, она «ушла в спячку» – один из режимов, предусмотренных ее мудрыми создателями. В этом случае аппарат в режиме повышенной энергоэкономии поднимался в верхние слои атмосферы, медленно, по ветру, на головокружительной высоте, ожидая команды «очнуться», если появятся подходящие цели.

В таком режиме БПЛА провел больше двух лет, оставив за собой тысячи километров. Кто знает, какие сны видел его электронный мозг за это время, пока в один из дней система распознавания целей не отдала команду дремлющему разуму «проснуться».

Самообучающаяся система, вышедшая за грань, начертанную ей разработчиками. Серая, почти неразличимая на фоне свинцовых облаков потертая обшивка едва заметно подрагивала на пронизывающем ветру. Как хищник готовится к прыжку, так и беспилотник медленно заходил на цель, подчиняясь алгоритму управляющей программы. Когда расстояние до отряда сократилось до двух километров, дирижабль остановился, зависнув в пятистах метрах над замерзшим руслом реки Пахры.

Глядя на сегментированный корпус, состоящий из трех частей, сторонний наблюдатель, окажись он здесь, мог бы подумать, что это – некая новая форма жизни, гигантский червь, рожденный в племени ядерного пожара. А кремниевый мозг тем временем думал, анализировал ситуацию, решал, кому умирать первым.

Чего проще, выпустить ракеты «воздух-земля» – одну по отряду, вторую в высотку, где затаился человек с винтовкой, и дело сделано. Вопрос лишь в том, что ракет уже не осталось. Значит, надо подлететь ближе и дать залп из пулемета. От десяти тысяч патронов осталось меньше четверти. Пополнить боезапас негде. Машина знала об этом. Значит, надо действовать наверняка.

Пока система решала, как поступить, сверхчувствительные микрофоны зафиксировали звук выстрела. Вслед за первым раздался еще один, потом еще и еще. Цели на тепловизоре

заметались, забегали, и, чем чаще раздавались выстрелы, тем быстрее движущиеся фигурки падали и превращались в остывающие точки.

Система, проанализировав ситуацию и сверив данные, поступающие с видеокамер наблюдения, поняла, что отряд уничтожает человек, прячущийся в многоэтажке. Если бы беспилотник мог испытывать эмоции, то, скорее всего, его чувства можно было описать одним словом – восхищение. Восхищение такой же машиной для убийства, как и он.

Но компьютеру неведомы человеческие эмоции, и все, что он сделал – это произвел расчет и пришел к выводу, что меткого стрелка пока выгоднее оставить в живых. Чем больше убьет он, тем меньше придется тратить ограниченный боезапас. А значит, надо ждать. Ждать и наблюдать, кто кого перевоюет в этой странной битве двуногих, где нет ни победителей, ни побежденных. Мертвые умеют ждать, так же, как машина с отсроченной лицензией на убийство. Куда ей торопиться, ведь впереди целая вечность…

* * *

– Ну что, крысятки, вы сдохли или как? – спрашивает сам себя Николай, рассматривая через снайперский прицел траншею.

Еще минуту назад Николай порывался встать и покинуть засидку, но какая-то сила его останавливалася, словно нашептывая на ухо: «Еще не время, выжды, не торопись».

Снайпер привык доверять своему внутреннему голосу. Это не раз спасало ему жизнь на войне. Время идет. Секунды складываются в минуты. Если посмотреть на снайпера со стороны, то можно подумать, что на сдвоенных столах лежит труп. Винтовка точно срослась с человеком, став продолжением его рук.

«Проверять, не проверять, – эта мысль свербит в мозгу человека последние тридцать минут. – Глупая идея. Пока буду идти, откроюсь, хотя… Если те двое спрятались и ждут меня, значит, сидяттише воды, ниже травы, и носа не покажут из траншеи, побоятся нарваться на пулью. Я их переиграю».

Азарт охотника затмевает холодный разум. Николай встает и, захватив рюкзак, выходит за дверь. Спустя несколько минут он оказывается на улице. Понимая, как опасна эта затея, Николай, оставив позади многоэтажку, идет медленно, осторожно, постоянно оглядываясь по сторонам. Падает снег. Промозглый ветер треплет «кикимору». Размозженный город точно стонет под тяжестью шагов человека.

Шаг, остановка. Снежный наст предательски скрипит под подошвой ботинок. Пройдя несколько метров, Николай останавливается. Голова стрелка поворачивается то влево, то вправо. Затем он смотрит вверх, видя, как над домами кружит стая угольно-черных ворон.

«А, твари! Поживу чуете? – думает снайпер. – Ну, меня-то вам не получить!»

Николай хорошо знает, что птиц теперь приходится опасаться не меньше людей. Что-то с воронами случилось после Удара. Они и до Катастрофы отличались умом и сообразительностью, а сейчас стали просто опасны, атакуя любого, кто казался им слабым или перешедшим условную границу гнездования. Видимо подействовала радиация или какая-нибудь хитрая бактериологическая начинка бомб, вызывав мутации. А скорее – и то, и другое сразу. Среди ворон не осталось птиц с серыми пятнами, все «оделись в траур», словно скрыва по утерянному миру. Они стали крупнее, наглее и четко придерживались тактики стайной охоты. Николай хорошо помнил тот день, когда он впервые увидел, как вороны, стаей набросившись на небольшую собаку, выдрали ей глаза, а затем заклевали отчаянно скулящую псину до смерти, точно осатанев от вида крови. Случай нападений повторились, чтобы из разряда случайностей стать обыденностью.

«Кем же вы станете лет через двадцать-тридцать, а? – продолжает думать Николай, наблюдая за галдящими птицами, которые, точно чуя вооруженного человека, стараются держаться от него подальше. – Ну да ладно, не до вас сейчас...»

Он вскидывает «мосинку», смотрит в прицел на траншую.

«Крысятки, признавайтесь, что вы задумали? – щурясь, думает снайпер. – Хорошо спрятались. Или надеетесь меня так просто купить? – Николай, для большей устойчивости перекинув лямку винтовки через локоть, пристально вглядывается в прицел. – Черт, отсюда не видно». – Стрелок берет «трехлинейку» за цевье, опускается на одно колено, пристально всматривается вдаль.

Приметив метрах в тридцати занесенный снегом самосвал, Николай встает, осматривается и, глубоко вдохнув и выдохнув, что есть духу несется вперед. Подбежав к грузовику, снайпер прячется за колесом. Кладет винтовку на скат шины, наблюдает.

«Этот готов, аккурат в глаз ему засадил, – отмечает стрелок разведчика в простреленном противогазе, лежащего у стенки траншеи. – Зато быстро отмучился. Кто там еще у нас? – ствол винтовки смещается на пару сантиметров левее. Николай пристально глядит в прицел. Наблюдать в противогазе то еще удовольствие. Проходит минута. Внезапно стрелок поддается вперед. – Неужели живой? – мысль пулей выстреливает в мозгу Николая. Снайпер замирает, наблюдая за скрюченным на снегу втором разведчиком. – Хм, точно, вроде шевелится... Не добил крысеныша».

Палец снайпера ложится на спусковой крючок. Даже сквозь перчатку Николай чувствует, как мороз щиплет кожу. Он уже собирается выстрелить, как его словно кто-то дергает за руку. Палец отпускает крючок.

«Были еще двое, – думает стрелок. – Где же они? – ствол винтовки шарит в пространстве. – Затаились? Ждут? Крысятки, где вы? – Николай осматривает каждый метр траншеи. – Черт, только этот дохляк, остальные как сквозь землю провалились! Хитро. А с другой стороны, если бы они могли, то уже убили бы. Значит, сидят в канаве своей, только чуть дальше. Проверим».

Снайпер перекидывает винтовку за спину, ложится и ползет, огибая грузовик с правой стороны. От сугроба к машине, от машины к стволу дерева. Человек петляет, вжимается в снег, каждую секунду ожидает выстрела со стороны траншеи. Пара сотен метров превращаются в километры. Вскоре снайпер добирается до начала траншеи и, не теряя ни секунды, ужом соскальзывает вниз.

Сняв рюкзак, стрелок прячет его, засовывая поглубже под железобетонный лоток, тщательно присыпает снегом и, держась левой стороны траншеи, ползет вперед.

«Десять, одиннадцать, двенадцать», – считает снайпер. Прикинув оставшееся расстояние, Николай расстегивает набедренную кобуру, вытаскивает «Кедр», снимает пистолет-пулемет с предохранителя.

Вороненая сталь приятно холодит ладонь.

«Двадцать, двадцать один, двадцать два... А вот и наш клиент, – метрах в пяти от себя он видит тело, лежащее лицом вниз. – Как там говорится: – Последний негритенок вздохнул устало, повесился и никого не стало».

Ствол пистолета-пулемета поднимается. Снайпер замирает и почти дожимает спуск, но останавливается.

«Странно, – щурится Николай. – Слишком легко, что-то здесь не так. Они хотели, чтобы я вышел, так вот он я, весь на виду. Почему тогда не стреляют? – Охотник на людей смотрит в глубь траншеи. – Крысятки, сейчас отличный момент расставить все по местам, – снайпер оглядывается по сторонам. – Хотя... если эти двое придурков прячутся где-то там, впереди, и ждут, когда я выстрелю, чтобы выйти на звук... лишний шум ни к чему. Дохляк, ты тоже так думаешь? – Николай переводит взгляд на тело разведчика с пулевым отверстием в линзе

противогаза. – Умно придумано, умно. – Николай ползет вперед. – Так, крысятки, игра продолжается, только теперь по моим правилам».

* * *

«Появился, – сглатывает Сухов, видя, как к нему медленно ползет человек в белом камуфляже незнакомого ему типа. – Черт, только бы не заметил! Только бы ничего не заметил!»

Сердце мальчишки от страха готово выскочить из груди. Несмотря на жуткий холод, Сергея бросает в жар. Стارаясь не дышать, пацан провожает взглядом снайпера, радуясь, что его уже засыпало снегом, и он действительно напоминает труп.

Сергею кажется, что снайпер смотрит прямо на него. Если бы не окоченевшие руки и ноги, то пацан, скорее всего, не выдержал бы, вскочил и дал деру. Но холод, почти убив его и заглушив боль в простреленной ноге, сыграл ему на руку, не дав сделать необдуманный шаг.

«Ну, давай, тварь, ползи, ползи! – с тихой яростью думает Сухов, исcosa наблюдая за стрелком. – Еще пара метров! Давай, переверни Крыса, и Михась тебя завалит!»

О том, что ему самому придется стрелять, Сергей даже не хочет думать. Руки замерзли так, что он не уверен, сможет ли пошевелить пальцами.

Снайпер держит под прицелом траншею. Черный немигающий зрачок дула пистолета-пулемета глядит прямо на пацана, затем перемещается левее. Сергею хочется раствориться в воздухе, превратиться в невидимку, провалиться сквозь землю, только бы не видеть так близко человека, перебившего на его глазах весь отряд.

– Ну что, дружок, сильно мучаешься? – произносит снайпер.

Мальчишка едва не срывается с места, думая, что обращаются к нему. Сердце ухает в груди. Снайпер приближается. Их отделяет три метра, два...

В противогазе, грязно-серой накидке, наброшенной поверх ОЗК, и разгрузке с множеством карманов, он напоминает Сухову какое-то потустороннее существо, словно к нему ползет сама смерть.

Любой на его месте уже давно бы побежал, но Сергей словно окаменел, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Отрешенность, граничащая с безумием, заставляет пацана глядеть на снайпера практически в упор.

«Черт, а вот это не хорошо, совсем не хорошо, – думает Сухов, замечая, что рука снайпера тянется к ножу, закрепленному рукояткой вниз у левого плеча. Стрелок щелкает кнопкой застежки ножен и выхватывает оружие. – Вот я и допрыгался, – Сергея охватывает равнодушие. – Сейчас он меня прирежет, а потом застрелит Михася и Макса. Хорош план, сами себе могилу вырыли».

Сухов ловит себя на мысли, что ему совершенно не жалко ни себя, ни товарищей по несчастью.

«Скорей бы все уже закончилось. Туда им и дорога, хоть не один подохну».

Внезапно Сергей слышит, как стрелок, повернув голову и глядя на чуть пошевелившееся тело Крыса, говорит:

– Ну, что, гаденыш, все никак не подохнешь?

С этими словами охотник на людей, не таясь, проползает мимо Сергея и вонзает нож в шею Крыса чуть ниже затылка.

– Что за... – слышит в следующую секунду Сухов.

Выдернув нож, стрелок смотрит на практически чистое лезвие. Сквозь панорамное стекло противогаза видны его удивленные и в то же время злые глаза.

Сергей понимает, что счет идет на секунды.

«Сейчас он поймет, что прирезал трупак, и... – думает пацан. Отчаяние придает ему сил и уверенности. – Была не была!»

Рука с пистолетом взлетает из-под снега. Сергей целится в голову стрелка, одновременно пытаясь пошевелить окоченевшими пальцами, но к своему ужасу понимает, что не чувствует их.

– Черт, поймал ты меня, дохляк, – спокойно говорит снайпер, медленно поворачивая голову. – Пистолет-то хоть заряжен?

– Бросай ствол! – приказывает Сухов, стараясь придать голосу твердость.

– Сколько тебе лет, сопляк? – продолжает снайпер. – Шестнадцать? Меньше?

– Бросай ствол! – повторяет Сергей. – Мозги вышиби!

– Уверен? – тихо спрашивает снайпер, медленно поворачиваясь и прижимая пистолет-пулемет к правому боку. – А стрелять-то сможешь? Сколько ты на морозе пролежал?

– Кидай! – тонко вскрикивает Сухов. – Видишь? – мальчишка чуть поворачивает голову, так, чтобы стрелок мог хорошо разглядеть дырку в противогазе. – Мне терять уже нечего, часики тикают!

– Типа в героя решил сыграть? – спрашивает снайпер. – Друзей спасаешь, а сам потом от лучевухи загнешься? Кстати, где они?

– Где надо, – отвечает мальчишка. – Кидай мне ствол! Считаю до трех. Раз!

– Три! – выкрикивает стрелок и резко валится на спину, открывая огонь в падении.

Сухов скорее инстинктивно, чем обдуманно, мгновенно съезжает по стенке траншеи вниз. Пули свистят над его головой. Сергей со всей дури прикладывается затылком об мерзлую землю, так, что у него темнеет в глазах, и случайно жмет на спусковой крючок.

Бам!

Звук выстрела эхом разносится по улице.

От неожиданности Сухов едва не роняет пистолет. Мальчишка смотрит на ПМ, словно удивляясь, что он решился из него выстрелить, затем переводит взгляд вперед и, как ему кажется, сквозь серую хмару видит какое-то движение за теплоцентралью. Пацан прицеливается и резко, два раза рвет спусковой крючок.

Бам! Бам!

Выстрелы сливаются в один. Это придает мальчишке уверенности. Он перекатывается под трубой теплоцентрали. Прячется. Оглядывается.

«Черт, не попал! Где он?! Уполз?» – мысли мечутся в голове мальчишки как перепуганные кролики.

Несмотря на холод, пот выедает глаза. Сергей осматривается. Пистолет пляшет джигу в его руке. Сухов пытается взять себя в руки. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Холод, проникающий сквозь дырку в линзе, делает свое дело. Мороз отрезвляет. О фоне мальчишка старается не думать. Сейчас главное не словить пулю.

– Серый! – неожиданно доносится из-под земли голос Михи. – Ты живой там еще?

– Живой!

– Чего там?

– Встряли мы! Он смылся!

– Отодвинь Крыса, я помогу тебе, а иначе мне быстро не выбраться!

«Ага, легко сказать – отодвинь, – думает Сергей. – Одно неверное движение, и меня самого придется отодвигать».

– Обожди! – отвечает Сухов. – Он где-то рядом!

В этот момент из-за бетонного блока, расположенного метрах в пяти, раздается короткая очередь. Пацан вжимается в снег. Пули уходят поверху. Видно, что стреляли вслепую.

«Что же делать-то? – лихорадочно думает Сухов, – Михась не помощник. Пока я буду оттаскивать тело Крыса, снайпер превратит меня в решето».

В этот момент раздается голос стрелка:

– Эй, крысеныш!

– Чего тебе? – отзыается Сергей.
– Давай поговорим!
– Давай!
– Мне до тебя дела нет, ты все равно сдохнешь, – кричит снайпер. – Вали отсюда! Обещаю, стрелять в тебя не буду!

Сухов решает потянуть время и подыграть ему.

– Чем докажешь?

– Ничем! – смеется стрелок. – Мое слово против твоего. Верить или нет – решать тебе.

– А мой друг? – спрашивает Сергей.

– Друг? – удивляется стрелок. – Ты кому другому заливать будешь! Где один, там и второй сидит! Вас ведь трое осталось! О них не печалься, как говорится, обещаю им смерть легкую и быструю!

– Да пошел ты! – вспыхивает Сергей. – Ты сам скоро сдохнешь, за нами уже отряд поисковиков выслали!

– Да ну?! – удивляется снайпер. – Целый отряд, говоришь? Чего-то долго они идут. Наверное, в силах тяжких, так ведь, крысеныш? Даю минуту на размышление. Думай, время прошло.

– Серый! – кричит из-под земли Миха. – Серый, не верь ему, он тебя все равно грохнет!

«Интересно, – усмехается мальчишка, – он о себе или обо мне печется? Хотя… кому охота вот так подыхать, угодив в собственную ловушку?»

– Двадцать секунд! – напоминает стрелок. – Беги, кролик, беги!

При этих словах у Сухова перед глазами возникает лицо Кныша. Он вспоминает, как его друг корчился от боли. От собственной беспомощности мальчишке хочется выть.

Сергей чувствует, как все тело начинает бить мелкая дрожь. Вот так, подыхать зазря, ему жутко как не хочется.

От былого запала не осталось и следа. Время идет. Сухов не знает, что делать дальше. Наконец, собравшись с духом, он вытягивает дрожащую руку с пистолетом вперед и выглядывает из своего укрытия, но тут же слышит окрик:

– Ты сам так решил, крысеныш!

Вслед за этими словами рядом с пацаном в снег шлепается что-то тяжелое. Мальчишка приглядывается, хочет заорать, но немеет от ужаса.

«Это… граната!..» Сергею хочется вскочить и ринуться сломя голову куда угодно, лишь бы подальше отсюда, но, скованный паническим страхом, он лишь цепенеет, глядя на черный ребристый корпус «Ф-1». Мозг помимо воли начинает обратный отсчет.

«Четыре, три, два…»

Внезапно, буквально краем глаза, мальчишка замечает какое-то движение. Он поворачивается и тут же получает удар в голову. Хрясть! В глазах Сухова темнеет, он валится в снег. Над ним возвышается квадратная фигура со снайперской винтовкой в руках.

– Ну что, кролик, допрыгался? А я ведь предупреждал! – говорит снайпер. Сквозь панорамное стекло на мальчишку смотрят пустые глаза. – Легко ты купился, крысеныш, – стрелок подбирает гранату. – Это учебная, боевые зеленого цвета, здорово придумано, да? А то на всех придурков типа тебя боезапаса не напасешься. А теперь сдохни.

В висок Сухову упирается длинный ствол винтовки. Палец снайпера ложится на спусковой крючок.

Отказываясь верить в происходящее, словно отстранившись от действительности, Сергей вспоминает, что кто-то говорил, будто перед смертью перед глазами проносится вся жизнь. Правда это или нет, кто знает? Все, что видит мальчишка, это как позади снайпера, метрах в десяти, крадучись и целясь в стрелка из автомата, из серой снежной хмари выныривает человек в ОЗК. За ним, беззвучно ступая по ледяному насту, идут еще двое вооруженных людей.

– Оружие на землю! Мордой в снег!

Сухов вздрагивает, испуганно смотрит на снайпера.

– Неплохо развели, – хмыкает стрелок. Не убирая винтовки от головы Сергея, он поворачивается к бойцам боком.

– Я сказал, мля… бросай оружие! Повторять не буду! – кричит первый боец из группы захвата. Слышился лязг затвора.

– Выстрелишь – у меня дернется палец, а пацану развалит голову, – чеканит снайпер. – Может, договоримся?

В ответ раздается короткая автоматная очередь. В метре от стрелка взметываются снежные фонтанчики.

– Слыши ты, недоделок, – Сухову кажется, что он узнал голос, искаженный противогазной мембраной, – вторую дам по ногам. Бросай ствол!

Боец, держа снайпера на прицеле, медленно движется вперед. Ствол автомата чуть покачивается в такт его движениям. Два других бойца, также держа снайпера на прицеле и, видимо, подчиняясь команде старшего по группе, обходят снайпера справа и слева.

– Назад! – кричит снайпер. – Или я пристрелю пацана!

– Да вали его! Нам он без надобности, – раздается смех. – Тоже мне, переговорщик.

Снайпер смотрит Сухову в глаза. Мальчишка видит, как палец мужчины медленно выбирает спусковой крючок.

– Дядь Вить! – неожиданно кричит Сергей. – Это же вы? Я не хочу так подыхать! Помоги мне!

– Заткнись, сопляк! Не до тебя пока! – отвечает Виктор.

Бойцы в ОЗК, в противогазах с большими вытянутыми стеклами, окружают снайпера. Стрелок, неожиданно для Сухова, как-то странно на него посмотрев, кидает винтовку в снег. Вслед за ней падает пистолет-пулемет.

– Ну, и чего не стрелял? – спрашивает второй боец, наставляя ствол «ублюдка» на снайпера. – Кишка тонка? Или ты только на расстоянии герой?

– Бур! Чего ты с ним елозишь! – взрывается третий боец. – Валим его к чертям собачьим и сматываемся отсюда, уже и так рентген нахватались!

– Отставить! – рявкает Виктор. – Батя приказал взять его живым. Вяжем – и ходу. Борода, спускайся. Мы прикроем. У нас есть кому потолковать с ним.

Коренастый боец, которого называли Бородой, кивает и прыгает в траншею.

– Руки! – приказывает он снайперу, доставая наручники. – А тебе, пацан, повезло, – обращается Борода к Сухову, защелкивая стальные браслеты на запястьях снайпера. – В рубашке родился. Хорошо, что мы недалеко проходили и выстрелы услышали.

– Проходили? – шепотом переспрашивает Сергей. – А чего вы тут делали?

– Не твое дело! – отрезает боец.

При этих словах нехорошая догадка шевельнулась в голове пацана. Странные события последних часов, начиная с внезапного ночного подъема, выстроились в четкую линию.

«Нас использовали как приманку, – понимает мальчишка. – А сами сидели и ждали, пока он выйдет!»

Мысли Сергея прерывает голос Михи:

– Про нас не забудьте! Я тут со Скелетом заныкался.

– Михась, ты что, в колодце окопался? – спрашивает Виктор, глядя на труп Крыса, прикрывающий люк. – В шахтеры решил податься?

Мужики хохочут.

– Ты мне лучше скажи, откуда вы здесь взялись? – надрываясь, кричит Михась. – Что-то я не припомню о таком приказе!

– Все потом! – отвечает Виктор. – А будешь дизелить, оставим, где ты есть. Усек?

– Понял я все! – нехотя отзыается Миха.

– Пошел, падла! – Борода лупит прикладом автомата снайпера между лопаток. – Знаешь, сколько народа у нас хочет поквитаться с тобой?

– А я еще не всех перестрелял? – задумчиво спрашивает снайпер.

– Бур, принимай этого юмориста! – кричит Борода. – Посмотрим, как он в Убежище заговорит, когда ему пальцы отрежут.

Боец, стоящий сверху траншеи, хватает снайпера за плечо и вытягивает его наверх. Затем неожиданно бьет его прикладом в живот. Снайпер сгибается пополам и тут же, получив удар кулаком в голову, падает в снег.

– Эй, Бур, полегче там! – приказывает Виктор. – Если он не сможет идти, потащишь на себе!

– Он у меня не то, что пойдет, побежит! – отвечает боец, наставляя ствол автомата на снайпера. – Слышишь меня, падла, если дернешься, продырявлю!

Снайпер тяжело дышит.

– Посмотрим еще, – цедит он сквозь зубы.

– Ах, ты!.. – Бур замахивается прикладом автомата.

– Отставить, мля! – орет Виктор. – Бур, стережешь снайпера. Борода, вытаскивай этих кротов, уходим!

Борода кивает.

– Сухов, – обращается он к пацану. Сергей не реагирует, все еще сидя на снегу и смотря на снайпера. – Сухов, твою-то мать! Уснул, что ли? Не тормози! Живо ко мне, помогать будешь!

Мальчишка с трудом поднимается, делает пару шагов, все еще не веря, что остался жив, и замирает, услышав сквозь шум ветра размежеванный гул. Звук раздается откуда-то сверху. Бойцы задирают головы, подаются вперед, смотрят в одну точку, а Виктор тихо матерится:

– Это что еще за хрень?!

Повисает пауза. Сухов вертит головой, стараясь рассмотреть сквозь запотевшее стекло противогаза, что же увидели мужики. Внезапно мальчишка замечает, что снайпер, воспользовавшись заминкой, валится в траншею. Сергей, сам не зная почему, следует его примеру.

В ту же секунду ветер приносит грохот выстрелов из крупнокалиберного пулемета. Короткая очередь огненным хлыстом ударяет Бура, стоящего на краю траншеи, в грудь. В воздухе повисает кровавое облако. Человек, словно надломившись пополам, валится в снег.

Виктор смотрит на изрешеченное тело, поднимает автомат, но за секунду до того, как он нажимает на спусковой крючок, откуда-то сверху грохает одиночный выстрел, и голова мужчины взрывается как переспелый арбуз.

– Ах ты, сука! – орет Борода, приставляя приклад к плечу и выпуская длинную очередь.

Сухов, лежа в траншее, видит, как боец резко пригибается. В стенку траншеи, в то место, где он только что стоял, взметая глубокие фонтанчики из снега и земли, впиваются пули.

Борода перекатывается, оглядывается по сторонам, словно выбирая цель, и, припав на одно колено, начинает палить одиночными выстрелами.

Бам! Бам! Бам!

Боец стреляет, перемещая автомат по дуге, видимо, по быстро удаляющейся цели. Щелчок. Борода тут же падает на дно траншеи. Сергей слышит, как он дышит – часто, хрипло. Боец быстро меняет магазин. Глядя на мальчишку, роняет:

– Молись, пацан!

Приподнимается, смотрит куда-то вверх и выпускает несколько длинных очередей. Пламегаситель изрыгает огонь.

Бам-бам-бам!

Сухов никак не может понять, в кого он стреляет. Мальчишка слышит лишь нарастающий гул, а затем, уже совсем рядом, – звук работы крупнокалиберного пулемета, и пули, пробивая

земляной бруствер, впиваются в грудь Бороды. Мужчина хрипит, забрызгивая изнутри кровью маску противогаза, и валится на дно траншеи. Шум от работы моторов удаляется. Неожиданно пацан замечает, что снайпер, улучив момент, чуть приподнимается, выглядывает из-за бруствера и мгновение спустя ныряет вниз. Сергей видит его безумные глаза, ему становится страшно.

— Лежи тихо, крысеныш, а то подохнешь, — шипит стрелок, переворачиваясь на спину и подползая к телу Бороды. Озираясь по сторонам, снайпер шарит по карманам бойца, быстро выуживает ключ от наручников. Секунда-другая, щелкает замок, и снайпер освобождает руки. Он подбирает «мосинку» и пистолет-пулемет из снега, тянется за автоматом Бороды, но, передумав, неожиданно спрашивает у опешившего Сухова:

— Что у вас с оружием?

— Чего? — переспрашивает пацан.

— Ты глухой? — рявкает снайпер. — Есть что посеръезнее автоматов? РПК, РПГ? В схроне прячете чего?

Сергей растерянно моргает, пытается собраться с мыслями, как вновь слышит приближающийся гул от работы винтов.

— Ходу! — охотник на людей хватает пацана за шкирку. — Ходу, ходу, кретин! Оба сдохнем! Давай к твоим друзьям!

Дважды повторять не приходится. Мальчишка и снайпер ныряют под трубы теплоцентрали и под их прикрытием ползут к телу Крыса, спинами чувствуя нарастающий гул.

— Замри!

Оклик стрелка заставляет пацана уткнуться противогазом в снег. Но из-за странного любопытства он все же приподнимается, поворачивает голову и смотрит вверх, отказываясь верить в происходящее. Сергей видит, что, едва не цепляя хвостовым стабилизатором крыши зданий, в их сторону двигается длинный сегментированный корпус, за которым тянется дымный след.

«Значит, Борода попал в это... — думает мальчишка. — Твою-то мать, что же это такое?!»

Сухов замечает в головной части диковинного летательного аппарата подвижную турель с пулеметом. Пацан уже чувствует, как очередь, выпущенная из крупнокалиберного оружия, рвет его на куски, но вмешивается его величество случай.

Из-за сильного порыва ветра аппарат проносится мимо. Три из четырех винтовых двигателей, установленных на коротких крыльях, поворачиваются, отрабатывают лопастями, и «тело» — почему-то именно это слово приходит на ум Сергею — зависает над домами, медленно разворачиваясь на месте.

Пацану кажется, что оттуда, с высоты, на них плялится бездушное механическое око. Он вспоминает кадры из фантастического фильма, где после ядерной войны летающие роботы-убийцы — «охотники», как их называли люди, — уничтожали все живое.

«Бред какой-то, — думает Сергей, — этого не может быть. Откуда здесь взялась такая техника?! Кто ей управляет?»

Мысли скачут, опережая друг друга. Сухов замечает, что ствол пулемета рыщет из стороны в сторону и, обведя траншею по дуге, вперивается в него черным зрачком дульного тормоза.

— Пацан, живо туда! — снайпер указывает на железобетонные лотки, сложенные метрах в пяти от них. — Прячемся!

Мальчишка перекатывается. Вместе со снайпером он с трудом втискивается в узкое пространство. Раздается грохот короткой очереди. Пули барабанят по бетону, со свистом рикошетят. Внезапно воцаряется тишина.

— Что это за фигня? — спрашивает Сергей у снайпера.

— А мне откуда знать! — отвечает он. — Похож на беспилотник — боевой дирижабль, только я про такие даже не слышал. Но здесь ему нас не достать.

— Беспилотник? — удивляется Сергей. — А кто им управляет?

Снайпер смотрит на него как на идиота.

— Сам подумай, пацан. Войсковых уже нет, а те, кто остались, прячутся, как и мы. Управлять такой штуковиной сейчас некому. Значит, полностью автономный. Поэтому и «тормозит» немного, «мозгов» не хватает обстановку оценить. Иначе мы с тобой сейчас не разговаривали бы. Опознавательных знаков не видно. Только номер на борту. Чей он, не понятно. Для чего нужен, тоже. Может, разведывательный, а может, диверсионный. Но палит лихо. Думаю, по датчикам движения наводится.

— А почему сейчас не палит? — интересуется Сергей, внезапно поймав себя на мысли, что общается со снайпером так, словно несколько минут назад он не пытался его убить.

— А зачем? — хмыкает стрелок. — В нас не попасть. Скорее всего, боекомплект экономит, хочет наверняка положить. Не век же нам здесь сидеть, вылезти придется. Мы здесь как кролики в норе. Но это может сыграть нам на руку. Надо его перехитрить.

— У тебя есть план? — Сухов подтягивает ноги, едва не вылезшие наружу.

— Пока нет. Тихо! Слышишь? — снайпер приподнимает голову.

— Улетает, — шепчет мальчишка. — Точно улетает, двигателей почти не слышно. Как думаешь, надолго?

— Не знаю, — стрелок внимательно смотрит в глаза Сухову. — Уже не боишься меня?

— Нет, — подумав, мотает головой Сергей.

— Враг моего врага — мой друг? — усмехается снайпер.

Пацан кивает.

— Тебя Сергеем звать, верно?

— Да.

— Серый, значит, — подытоживает стрелок. — А я — Николай. С фальшивым раненым, вы, конечно, хитро придумали… Я почти купился. Ты молодец, не струсили, хотя свои же и подставили… Кстати, друзья твои в яме сидят?

— В техническом коллекторе, — нехотя отвечает Сергей.

— Оттуда другой выход есть? — Николай буравит пацана взглядом.

— Нет, завален, Скелет проверял.

— А второго как зовут?

— Миха.

— Это у которого СКС?

Сухов кивает.

— Понятно, разведчики, мля, — Николай чуть поворачивается. — Значит, так. Сидеть здесь долго нельзя. Выползти мы тоже не можем. Получается, надо его отвлечь и шуровать к вашему склону, а там разберемся.

— Легко сказать, — Сергей усмехается. — Осталось только придумать, как это сделать.

— Знаю, — отрезает Николай. — Смотри, нужно поставить себя на место этой штуковины. Он хочет нас убить, мы хотим выжить. Он действует как охотник. Но у него программа, а у нас разум, и нам надо понять, как работает его программа. Сделаем так. Кричи Михе, чтобы он пошевелил трупак. Посмотрим, среагирует ли на это беспилотник. И посчитаем, сколько времени у него уйдет на все. Договорились?

Сухов задумывается, затем кричит что есть мочи:

— Миха!

Нет ответа.

— Михась!!!

— Серый! — доносится еле слышно. — Живой? Мы думали, тебя грохнули! Где остальные? Где Виктор?

— Сдохли!

— Ты один, что ли, остался? — спрашивает Михась. — Вроде говорил с кем-то. А кто стрелял вообще?

— Все потом! — отвечает Сергей. — Шевельни Крыса!

— Зачем? — удивляется Миха. — Лучше ползи сюда, а то нам не вылезти.

— Делай, что велено! — взрываются мальчишка. — А не то сами будете выбираться!

— Да ладно тебе! — недовольно ворчит Михась.

— Как сделаешь, крикни и ныкайся глубже сразу! — кричит Сергей.

— Готово, шевелится, — докладывает Михась. — Дальше чего делать?

— Ныряй глубже, идиот! — орет Сухов что есть мочи.

— Тихо! — снайпер пихает пацана в бок. — Слышишь? Он возвращается, сработало! Внимание!

Раздается характерный шум работающих двигателей. Судя по нарастающему гулу, беспилотник зависает прямо над прячущимися людьми.

— Считай, — приказывает пацану Николай.

— Один, — произносит Сергей.

— В уме! — шипит на него снайпер.

Сергей отсчитывает до шестидесяти и недоуменно смотрит на Николая.

— Чего он медлит?

Снайпер пожимает плечами.

— Что-то задумал. Ждем!

Проходит минут пять. Ветер усиливается. Укрытие засыпает снегом, а сверху все так же льется размеженный гул.

— Почему он не стреляет? — шепотом спрашивает Сухов.

— Хрен его знает, — злится Николай. — На движение среагировал, а стрелять не стал, значит, какие-то датчики команды не отдали.

— А как проверить какие? — не унимается Сергей.

— Есть одна идея, но она тебе не понравится, — отвечает снайпер.

— Почему?

— Потому что ты высунешься наружу и посмотришь, среагирует ли он на тебя, точнее, на тепло твоего тела. Я буду держать тебя за ноги. Как увидишь, что пулемет шевельнулся, орешь, и я тебя мигом втяну обратно.

— Ты это... серьезно?! — мальчишка едва не всхлипывает: неужели все повторяется?

— Да, — бросает Николай.

— А если я не полезу?

— Придется, — снайпер кладет руку на «Кедр».

— Ты спятил! — в отчаянии выпаливает Сухов. — Сам лезь!

— Пойми, пацан, — мягко говорит Николай, — ты мне дохлым не нужен, нам еще в коллекtor лезть. А выживем мы, действуя только сообща. Я бы сам полез, но здесь важна реакция. У тебя просто сил не хватит быстро затащить меня обратно. Я знаю, тебе страшно, но останемся здесь — умрем. Понял?

Сергей смотрит в глаза снайпера. Одна часть Сухова хочет ему верить, другая буквально вонит от страха — от осознания того, что бежать некуда и придется вылезти наружу. Мальчишка часто дышит, сжимает и разжимает кулаки. Пистолет он потерял, сотоварищи мертвые, помохи ждать неоткуда... Теперь он полностью осознал, что значит когда-то услышанное выражение «безнадега убивает изнутри».

– Ну, решил? – спрашивает Николай. – Не хочу тебя заставлять, но если ты не полезешь, я вышвырну тебя или пристрелю, усек?

Сухов коротко кивает.

– Полезу, – цедит мальчишка. – Говори, что делать.

– Переворачивайся на спину, – командует снайпер, – головой туда, откуда мы приползли. Сможешь развернуться?

Николай прижимается к бетонной стенке. Сухов изворачивается и, пыхтя и сопя, с трудом переворачивается.

– Готов?

– Давай уже! – Сергея бьет частая дрожь. – Чего медлить!

Пацан чувствует, как снайпер хватает его за ноги и резко выталкивает наружу. Лежа под трубами теплоцентрали, Сергей пытается разглядеть беспилотник. Падающий снег закрывает обзор. Сердце глухо стучит в груди пацана. Страх куда-то уходит, уступая место холодному расчету и желанию выжить любой ценой.

Покрутив головой, мальчишка замечает, что дирижабль висит прямо над ним, метрах в тридцати от земли. Корпус заметно вибрирует на ветру. Три двигателя натужно молотят лопастями, с трудом удерживая летательный аппарат на одном месте. Пропеллеры четвертого двигателя уже не врашаются. Двигатель лишь дымит, выбрасывая из вентиляционных щелей в кожухе черные клубы, которые уносит ледяной поток. Ствол пулемета шарит из стороны в сторону, точно сканируя местность. Внезапно турель останавливается. Секунда – и поворотный механизм разворачивает ствол.

«Засек, – обмирает пацан. – Умная тварь».

Страх возвращается и железной лапой стискивает горло мальчишки. Сергей хочет заорать, но не может. От отчаянья он начинает ерзать и брыкаться. Мгновение – и снайпер затягивает его обратно в укрытие.

– Ну, чего видел? – нетерпеливо спрашивает он.

– Там он, висит, – задыхаясь, частит Сергей. – Один двигатель встал. Но он как-то увидел меня, сразу среагировал, пулемет развернул…

– Понятно, – Николай задумывается. – Наше дело дрянь, он по тепловизору наводится. Думаю, сначала датчик движения срабатывает, а дальше он выбирает живую цель, поэтому и в Крыса не стрелял.

– Ты уверен? – спрашивает Сухов.

– Уверен. – Снайпер сжимает винтовку. – Получается, дохляком его не проведешь. Надо что-то другое придумать, типа приманки. Что-то, дающее тепло…

– Опять меня подставишь? – сипится Сергей.

Николай усмехается.

– Идея хорошая, но не сейчас. Мне его не сбить в одиночку, а ты – парень рисковый, поэтому работаем вместе.

– Ветер усилился, – размышляет Сергей вслух. – И беспилотнику этому сложно на одном месте висеть, на трех двигателях-то, да и пулемет стабилизировать тяжелее…

Снайпер кивает.

– А ты шаришь, Серый, наблюдательный. Смотри, вот что я думаю… Вокруг полно машин. В них осталось топливо, особенно в грузовиках. Вы же не все еще выкачали? Если подпалить один из них, огонь его отвлечет.

– И как мы это провернем? – Сергей непонимающе смотрит на снайпера.

– Кинем гранату, – пожимает плечами Николай.

Сухов качает головой.

– Эта штуковина, едва мы высунемся, превратит нас в фарш.

– Значит, надо успеть. Жаль, фальшвеер в рюкзаке моем остался. А если... – Николай смотрит наружу и указывает на развевающиеся на ветру лоскуты теплоизоляции.

– Спрятаться под фольгой? – удивляется Сергей.

– Да, – кивает снайпер, – типа экрана. Должно получиться, по крайней мере, это купит нам пару минут, пока теплоизоляция не прогреется и он нас снова не «увидит».

– Уверен?

– Нет, – отрезает стрелок, – но других вариантов нет. Делаем так, – Николай достает нож. – Я быстрее тебя, поэтому выползаю и срезаю теплоизоляцию. Если дело выгорит, обманываемся теплоизоляцией и быстро ползем к твоим приятелям. Ты предупреждаешь Михася, чтобы он не стрелял, мы ныкаемся в коллекторе, а я перед этим швыряю гранату под грузовик. Если нам повезет, он взрывается, и у нас появляется шанс сбить беспилотник.

– Стремный план, – вздыхает мальчишка. – Пока ты будешь срезать теплоизоляцию, он тебя нафарширует свинцом.

– Есть другая идея? – Николай недобро смотрит на Сергея. – Граната всего одна. Было бы две, одну кинул бы сейчас, вторую потом. Хотя... – Николай замолкает. – Может, что-то запалить и отвлечь его?

– Чего запалить? – удивляется Сергей.

– Не бойся, не тебя! – огрызается Николай и задумывается. – Патроны! – через несколько секунд выпаливает он. – Высыпаем порох, заворачиваем в ткань, поджигаем, бросаем и молимся.

Снайпер берет «Кедр», отсоединяет магазин и отщелкивает на ладонь с десяток патронов. Затем отрезает от «кикиморы» кусок ткани и протягивает его пацану.

– Держи! Только осторожнее, порох не рассыпь.

Николай сбивает лезвием ножа с патрона пулю и высыпает содержимое на ткань. Затем проделывает то же самое с остальными патронами.

– Заворачивай! – приказывает Николай. – А теперь делаем так. Держи зажигалку. Я выползаю, ты поджигаешь обманку и бросаешь ее вон туда, – снайпер показывает на сугроб. – Справишься?

– Справлюсь, – отвечает Сергей.

– Тогда начали! – Николай, предусмотрительно отсоединив магазин у «Кедра» и винтовки и спрятав их в карман разгрузки, медленно выползает из укрытия. – Давай! – кричит он пацану.

Сергей лихорадочно чиркает колесиком зажигалки. Раз, другой, третий. Наконец появляется огонь. Мальчишка подносит трепещущее пламя к свертку. Ткань, обсыпанная порохом, загорается, и Сергей бросает обманку подальше в снег. Раздается шипение. Сухов видит яркую вспышку, краем глаза замечая, как Николай ныряет под трубы теплотрассы и, ловко орудуя ножом, быстро отдирает слои теплоизоляции.

Сергей чуть высовывается из укрытия, наблюдает за беспилотником. Он видит, как ствол пулевета поворачивается из стороны в сторону.

«Интересно, что сейчас происходит в его мозгу? Не понимает, в кого стрелять?» – думает мальчишка, не осознавая того, что он играет со смертью.

Тем временем ткань разгорается все сильнее, и наконец раздается короткая очередь. От неожиданности мальчишка вздрагивает. Обманку разрывает в клочья. Сухов оглядывается. Николай заканчивает отдирать второй лист теплоизоляции.

– Быстрее! – кричит пацан Николаю, практически вылезая из-под плит. – Он прицеливается!

– Еще немного! – отзыается снайпер. – Следи за ним!

– Ладно! – Сухов видит, как ствол пулемета медленно разворачивается. Налетевший ветер не дает дирижаблю стабилизировать оружие. Двигатели натужно ревут, стараясь удержать аппарат на одном месте.

– Готово! – кричит Николай, отползая от труб.

В этот момент грохает несколько выстрелов. Пули бьют в то место, где только что лежал снайпер.

– Руку давай! – орет Сергей и, не дожидаясь ответа, хватает Николая за запястье, помогая ему заползти под бетонные плиты. Николай тяжело дышит, смотрит мальчишке в глаза и говорит:

– Он теперь очередями не палит, значит, патронов мало осталось. Эх, знать бы сколько! А нам просто повезло, его ветром вальнуло, не смог точно прицелиться. Я думаю, у него еще система прицеливания сбилась. Видимо, твой друг-автоматчик постарался. А так, кто знает, говорили бы мы сейчас с тобой. На, держи, – Николай протягивает мальчишке кусок срезанной теплоизоляции. – Рискнем?

– А разве у нас есть выход? – мальчишка разглаживает фольгу. – Как думаешь, сработает?

– Я пойду первым, вот и проверим, – подмигивает Николай, соединяя края теплоизоляции тесемкой от «кикиморы». – Смотри, вроде как накидка получается. Надеваешь и ползешь, а руки свободны. Слушай дальше, – Николай достает гранату и, к удивлению Сергея, выдергивает чеку. – Времени у нас в обрез, – объясняет снайпер. – Короче, ты спихиваешь труп с колодца и сразу лезешь вниз. Я кидаю «эфку» и спускаюсь за тобой. Гранату придется швырять быстро, навскидку, поэтому я ползу, держа рычаг. Понятно?

– Вполне, – нехотя отвечает пацан.

– Серега, – снайпер внимательно смотрит в глаза Сухова, – запомни, мы сейчас в одной лодке. Решишь сыграть в героя – сдохнешь. Ты, главное, своих предупреди, чтобы, когда я в колодец полезу, в меня не шмальнули.

– Предупрежу, – кивает Сергей, обматываясь теплоизоляцией и думая о том, что если он спихнет Крыса и залезет первым, Николай может запросто кинуть гранату не в грузовик, а в коллектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.